

ЖУРНАЛ СТУДЕНЧЕСКИХ
РАБОТ

КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ

АНТИЛУМАН

КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ

НОСС
НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ
СТУДСОВЕТА

СПЕЦВЫПУСК №1 2023

КВИНТ ЭССЕ НЦИЯ

СПЕЦВЫПУСК №1 2023

Квинтэссенция — это площадка формата эдьютейнмент для публикации академических и свободных письменных работ студенто:к Шанинки.

Настоящий номер журнала является особенным, и причин тому несколько. Во-первых, в нем собраны лучшие эссе выпускни:ц программы Современная социальная теория. Во-вторых, автор:ки опубликованных текстов представляют товарищеско-академический союз под названием «Антилуман»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ульяна Семовских (3 курс, бакалавриат, Современная социальная теория)

Матвей Бислер (выпускник, бакалавриат, Мировая политика)

Шафаг Вердиева (3 курс, бакалавриат, Современная социальная теория)

Дамир Давлетов (3 курс, бакалавриат, Современная социальная теория)

Екатерина Нойкина (выпускница, бакалавриат, Современная социальная теория)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Полина Александрова (3 курс, бакалавриат, Современная социальная теория)

Ольга Извекова (3 курс, бакалавриат, Современная социальная теория)

КВИНТ ЭС С Е Н Ц И Я

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

- 5** **Екатерина Нойкина**
Представляем номер
- 8** **Матвей Бислер**
Светлая сторона Луны: внешний взгляд на компанию Антилумана

ГОРГОРОД

- 12** **Станислав Топорков**
Разрушая академический Вагабунд: городская руина в работах Зиммеля и Вахштайна*
Рецензия (Сергей Дубровский)
- 21** **Марианна Пьянова**
Transformer substations in Moscow: their social and cultural biography
Рецензия (Марина Невердовская)
- 29** **Екатерина (Ава) Крощенко**
The ruins of the Western Wall
Рецензии (Станислав Кожеуров, Алина Петрова)
- 38** **Анастасия Кузнецова**
STOPPED escalator: accessibility of space and time
Рецензия (Алексей Титков)

СУДНЫЙ ДЕНЬ

- 47** **Евгения Лучкина**
Pohoronka: incorporation of private crematoria in the organizational field of the Russian industry of death
Рецензия (Максим Маркин)

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

57 **Олег Никешин**
Каузальность и социальные науки: попытка выйти за пределы народной психологии
Рецензия (Михаил Волошин)

67 **Екатерина Нойкина**
А судьи кто: How equality is restored between humans and nonhumans in the courtroom
Рецензии (Владимир Бродский, Александр Никулин)

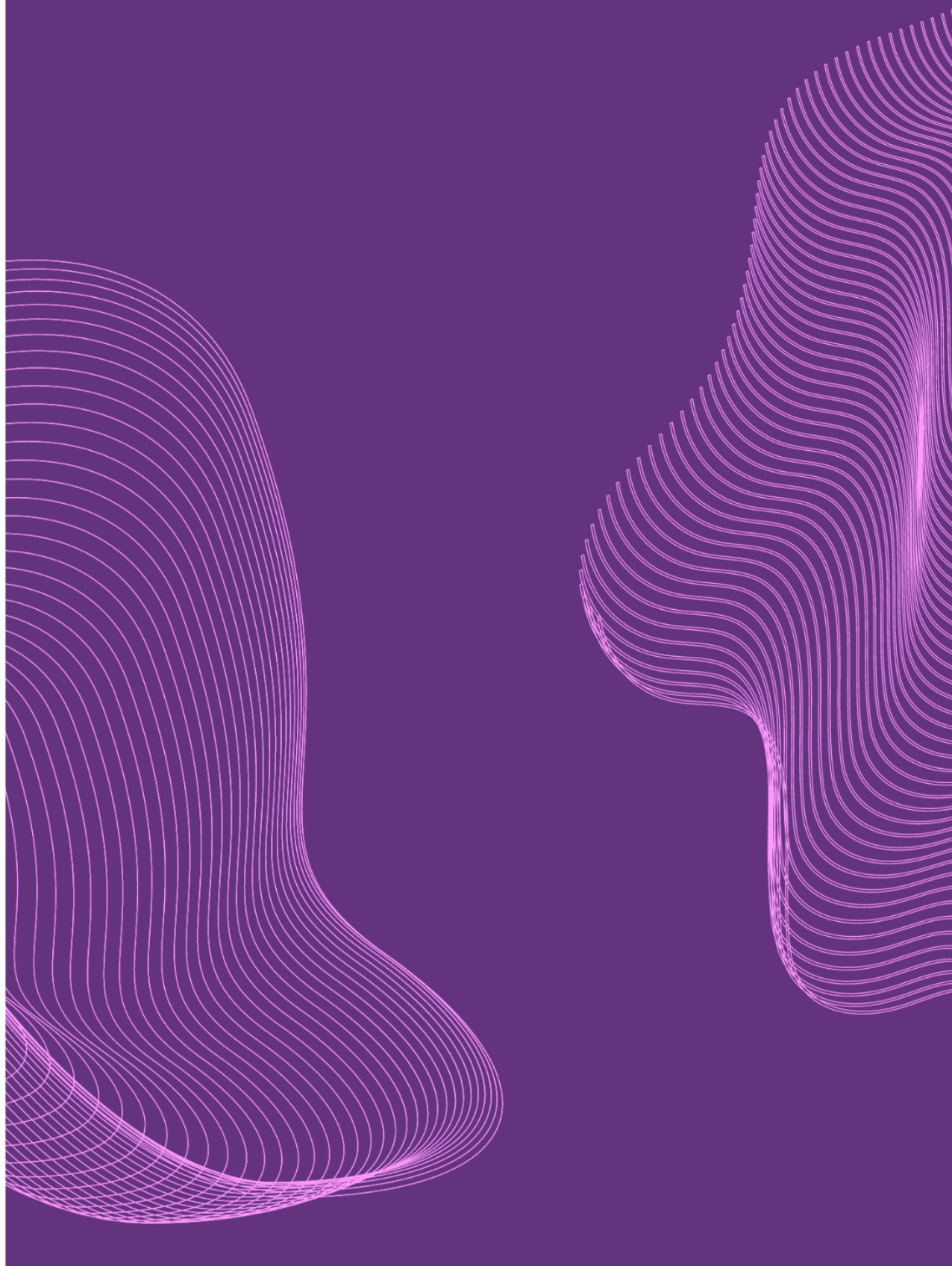
МЕЖДУ СТРОК

79 **Андрей Леванов**
Тактики сопротивления государственным ограничениям медиа в России
Рецензия (Александр Зарицкий)

92 **Мария Козлова**
The reflection of ideology in housing discussions in Soviet architectural magazines
Рецензия (Всеволод Герасимов)

100 **Варвара Гречухина**
«Everyone is a patient»: public health as medicalization
Рецензия (Екатерина Токалова)

ОТ РЕДАКЦИИ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Екатерина Нойкина
выпускница, Современная социальная теория
mss1901005@universitas.ru

«Антилуман» возник (и получил свое неблагозвучное название, из-за которого можно подумать, что его участники недолюбливают оригинальную теорию общества) весной 2021 года. Это возникновение было бы невозможно без самоотдачи и самоотверженности двух преподавательниц — Марии Волковой и Галины Игнатенковой. В 2020–2021 году они преподавали студентам один из самых важных шанинских предметов — академическое чтение.

Особенными эти пары сделали возможность выбора текстов путем голосования в телеграме и предложение преподавательниц собираться со всеми желающими для академического чтения вне пар. Это не был клуб академического чтения, просто по нашей просьбе Галина и Мария бесплатно проводили для нас дополнительные пары в Шанинке или любом другом доступном для собраний месте. Не знаю, чем они руководствовались, но я чрезвычайно благодарна им.

Голосование за тексты, по всем традициям демократических выборов, не могло обойтись без вбросов голосов. Обострилась ситуация в день, когда начал проигрывать Шмитт. Текст Лумана вырывался вперед. С целью помешать партии Лумана Стас Топорков создал чат с любителями Лумана и слезно попросил их поменять свой голос в опросе. Подробностей этого мухлежа я уже не вспомню, но Шмитт тогда внезапно вырывался вперед, а чат получил название Антилуман.

Со временем чат превратился в крепкую и сплоченную компанию академических любителей, связанных круговой порукой, академическими преступлениями и барными дискуссиями. Эссе, которые вы увидите в выпуске, закалялись в групповых беседах, редактировались дружественными руками и, как и любой академический труд, на самом деле являются продуктом влияния множества иностранных агентов.

До момента выпуска этого журнала у нас не было ни устава, ни штаба, но теперь это странное название закреплено на бумаге. И надеюсь, с выпуском из Шанинки союз антилуманов (как нас ласково называет декан) не прекратит свое существование.

Тексты этого номера были разделены на три тематических раздела. В первых, блок эссе по социологии города **«Горгород»**. В этот раздел попало четыре текста, написанных для курса бывшего декана социологического факультета Шанинки, Виктора Семеновича Вахштайна*. В некотором смысле они становятся достоянием ушедшей «эпохи», в том числе и потому, что в силу политических обстоятельств непреодолимой силы Виктор Вахштайн больше не ведет «Социологию города» на социологическом бакалавриате. Таким образом, это была последняя возможность для студентов позаигрывать с социологией города цитатами из Оксимирона и обсудить изменение походки человека при входе в метро Охотный ряд. Эти эссе отличают размышления над теоретическим наследием Зиммеля, поиск blind spots в его концептуальных схемах, обращение к наследию еврейской культуры. Также в этом разделе большое значение уделяется встраиванию утилитарных объектов городской повседневности (таких как трансформаторные будки или эскалаторы в метро) в социальные взаимоотношения горожан.

Второй раздел выпуска озаглавлен **«Судный день»**. Под таким заголовком мы объединили апокалиптические эссе о суде над нечеловеками (с применением аналитического аппарата акторно-сетевых теоретиков), включенности частных крематориев в сферу похоронных услуг в современной России (анализ экономических и социокультурных причин, влияющих на спрос), суд над интерпретативистской теорией (в роли прокурора — Мортон).

В разделе **«Между строк»** помещены эссе, в которых авторы работают со своими полями (общественное здравоохранение и жилищное строительство в советских архитектурных журналах), используя дискурс-аналитические подходы Фэркло и Ван Дейка, а также разбирают «тактики слабых» в медиа, где оружием последних становятся эзопов язык и практики рефрейминга.

Выражаем благодарность коллегам, которые написали рецензии на опубликованные в этом выпуске эссе. Спасибо Владимиру Бродскому,

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

Михаилу Волошину, Всеволоду Герасимову, Сергею Дубровскому, Александру Зарицкому, Станиславу Кожеурову, Максиму Маркину, Марине Невердовской, Александру Никулину, Алексею Титкову, Екатерине Токаловой.

СВЕТЛАЯ СТОРОНА ЛУНЫ: ВНЕШНИЙ ВЗГЛЯД НА КОМПАНИЮ АНТИЛУМАНА

Матвей Бислер
выпускник, Мировая политика
mss1901002@universitas.ru

Этот выпуск «Квинтэссенции» отличается от предыдущих не только приставкой «спец», но и тем комплексом сложных, неоднозначных идей и соображений, которые стоят за его публикацией. Выстраивать мистические преграды вокруг них было бы неискренне и непрозрачно перед читателями, поэтому мне кажется важным поделиться ими в формате заметки.

На первом летнем сборе редакции журнала было высказано предложение об освоении новой, до сих пор не опробованной формы периодики — специальном выпуске. Среди многих видов обобщенного «спецвыпуска» доминировали две концепции: серия работ выпускников всех направлений Московской школы и журнал с работами только одного направления — в частности, «Современной социальной теории». Не буду таить, я сам отстаивал первую концепцию, однако, как вы можете заметить, она не увидела света лампы над принтером и осталась обитать в мире идей. На тот момент мне казалось важным продолжать тренд на инклюзивность и хотелось всеми доступными способами привлекать студентов разных специальностей (даже не самых research-oriented) к освещению их эссе перед глазами публики. Помимо инклюзивности, другой моей заботой была целевая аудитория журнала — разве захотят психологи, менеджеры, политологи, юристы или журналисты выпить квинтэссенцию (pun intended) шанинской качественной социологии? Вдобавок, вставал вопрос о том, нуждаются ли социологи, щедро представленные как в редакционном совете этого журнала, так и в научной среде Московской школы, в еще большей демонстрации собственных заслуг. Метафора светлой стороны Луны, вынесенная в заглавие заметки, казалась мне как никогда подходящей — зачем нам смотреть в одну точку со всеми телескопами планеты, если, как кажется, гораздо интереснее и продуктивнее задуматься о сокрытом от глаз человека, о *темной* стороне Луны. По-хорошему, ответы на все эти вопросы

должны дать мои коллеги, предложившие идею такого выпуска, но это поместило бы их в позицию защиты против самопровозглашенного прокурора, что кажется мне совсем неправильным. Поэтому в лучших традициях первобытного правосудия здесь я одновременно выступаю стороной обвинения и стороной защиты.

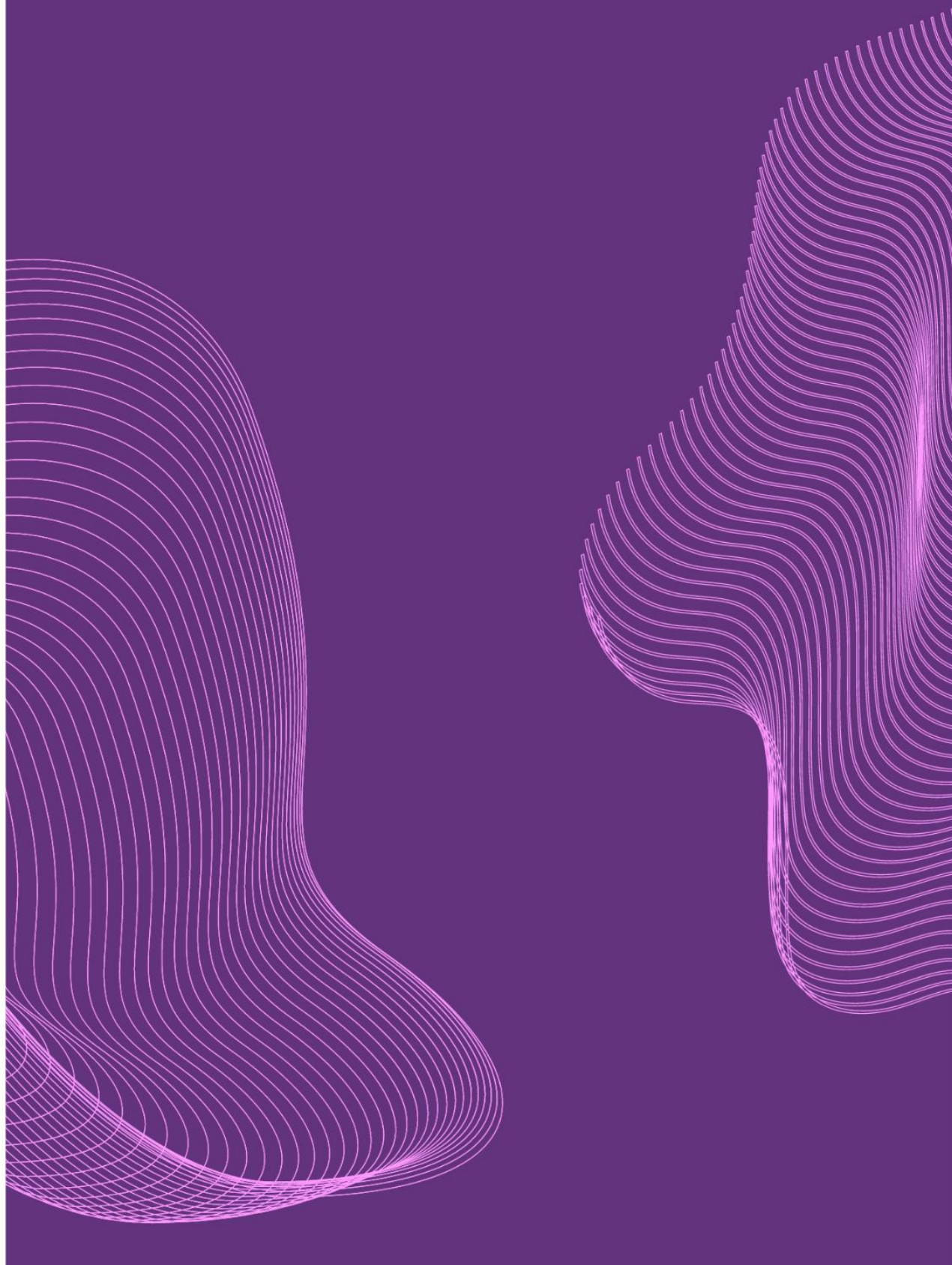
Начать своеобразную «апологию» стоит с выделения уникального набора характеристик, присущих главным героям этого дела — научно-товарищеской группировке с нетривиальным самоназванием «Антилуман». Нельзя не отметить их за стремление к созданию связей вне учебных аудиторий: как формальных контактов для общей работы над исследованиями, так и неформальных собраний для общей работы над упаковкой пива. При этом всем широко известно, что эта дихотомия во многом искусственна (передаем привет древнегреческим философам, находившимся в тесных отношениях с Дионисом), и нередко одно дополняет другое, а не мешает. Такая компания друзей, коллег, товарищей является ярким примером того университетского сообщества, которое хотелось бы встречать в стенах Шанинки чаще, чтобы давать публичную площадку и им в том числе. Сообщество «Антилумана» также проявляется в коллективных исследованиях и экспедициях, качество которых отмечается их наставниками и опытными исследователями.

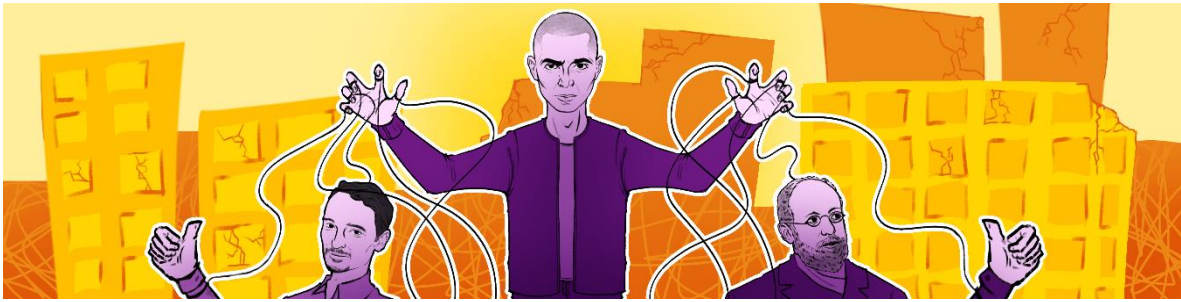
Принимая как должное высокий уровень работ тех или других студентов, мы упускаем из виду тот факт, что именно благодаря им факультеты приобретают свою репутацию как внутри институтов, так и за их стенами. Участвуя в конференциях, организуя собственные секции, публикуя свои работы в научных журналах и распространяя научные методы в практической повседневной среде, студенты своими руками сшивают по кусочкам тот образ реальности, который многими ошибочно воспринимается как объективно данный. Вне всяких сомнений, подобным образом и руками «Антилумана» создается лицо факультета социальных наук Московской школы. Будучи теперь уже выпускниками, они составляют ту часть наследия руководителей и преподавателей Шанинки, которая заслуживает быть продемонстрированной. В этом смысле аргумент о необходимости предоставлять постоянную инклюзивную платформу не находится в конфликте с эксклюзивностью спецвыпуска. Лишь только тщательно изучив светлую сторону Луны, мы можем размышлять о том, чего можно ожидать от другой, сокрытой от наших глаз ее части. Переводя это на более подходящий язык, только в процессе сопоставления и, тем самым, совершенствования исследовательских дизайнов рождаются новые научные парадигмы, поэтому

пристальное внимание к одному из них не обязательно должно кончиться забвением других. Напротив, через критику неудачного и заимствование удачного исследования становятся похожими на людей — живыми, динамически меняющимися и адаптирующимися к новым условиям.

Завершить свой пассаж хочется личным обращением к героям нашего выпуска. Некоторых из вас мне удалось узнать лично, другие же предстают в моем уме как ряд абзацев, соединившихся в эссе. Тот факт, что вы находитесь на страницах этого выпуска в полном своем составе, говорит читателям о том, что вы заслуживаете свое место, на вас лежит ответственность как перед Шанинкой, так и перед всеми теми, кто причастен к вашему становлению в качестве профессионалов. Помните об этом в будущем, сохраняйте себя и свои идеалы, которые позволили вам быть частью этого сообщества. И, конечно, хочется, чтобы несколько лет спустя вы еще больше созрели как исследователи и вам всем было бы стыдно за те тексты, которые здесь представлены. No cringe — no growth.

ГОРГОРОД

РАЗРУШАЯ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ВАГАНДУНД: ГОРОДСКАЯ РУИНА В РАБОТАХ ЗИММЕЛЯ И ВАХШТАЙНА*

Станислав Топорков**

mss1901094@universitas.ru

Вступление

В эссе «Руина» Георг Зиммель пишет, что «в ряде римских руин, как ни интересны они в остальном, отсутствует их специфическое очарование — в них мы видим разрушение, совершенное человеком, а это противоречит противоположности между творением человека и действием природы, противоположности, на которой основано значение руины как таковой» (Зиммель, 1996, р. 228) и далее: «К такому противоречию приводит не только позитивная деятельность человека, но и его пассивность, потому что пассивный человек действует как сила природы. Это характеризует руины многих еще населенных городов, которые часто обнаруживаются в Италии в стороне от главных путей. Здесь своеобразие впечатления заключается в том, что хотя произведение человеческих рук разрушили в данном случае не люди — это совершено природой, — но люди допустили это разрушение» (Зиммель, 1996, pp. 228–229). Из этого следуют два вывода:

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

** Выпускник бакалавриата, Современная социальная теория. Работа написана на 3 курсе, дисциплина: Society, Mobility, and the City (Urban Studies).

1. Зиммель отказывает в «специфическом очаровании» (Зиммель, 1996, р. 228) тем руинам, с которыми продолжает взаимодействовать человек. Истинной руиной признается лишь брошенная на произвол природы (Зиммель, 1996, р. 229).
2. Руины, встроенные в городской контекст, также лишены этого очарования — человек продолжает взаимодействовать с ними — «Человек становится соучастником вины природы и ее действий» (Зиммель, 1996, р. 229).

Однако в этом эссе предполагается, что зиммелевская руина никогда не бывает *полностью брошенной* и что она может быть вписана в современный городской контекст как элемент единства красоты.

Созерцание, пассивная деятельность, соединение и интенция воспринимающего

Руины и иные объекты необходимо созерцать. Это один из лейтмотивов нескольких работ Зиммеля (Зиммель, 1996; Зиммель 2007). И «Руина», и «Рим» посвящены тому, как человек воспринимает различные архитектурные или природные объекты. Следовательно, человек никогда и никуда не исчезает, когда мы говорим о руине. Чтобы руина стала «брошенной» этот факт необходимо зафиксировать — зафиксировать человеческим участием. Фактически, человек также «допускает это разрушение» (Зиммель, 1996, р. 229) руины. Зиммель упускает этот момент из виду. Мы полагаем, что созерцание является пассивной деятельностью человека. Дополнительным аргументом служит тот факт, что созерцание не является каким-то отдельным концептом теории Зиммеля. Исследователи Блэк Хок Хэнкок и Роберта Гарнер, работающие с наследием немецкого классика, указывают, что разрушение руин и угасание прошлого, о котором сигнализирует это разрушение, обращается вспять **благодаря работе разума – нашей способности, как мыслящих существ, преобразовывать** руины в новое и целостное целое, подтверждать культуру и переосмыслять эти заброшенные и разрушенные объекты в более широком, витальном видении жизни. Поскольку мы активны в **создании/восприятии/конструировании** этого единства, континуальности и контекста, воспоминания, которые мы производим в результате этого акта переосмысления, намного сильнее и насыщеннее обычных воспоминаний (Hancock & Gagner, 2014, р. 79).

Выделенные конструкции отсылают к другому известному эссе Зиммеля (1994) — «Мост и Дверь», где человеческий разум обладает способностью соединять и разъединять материю: сначала мыслительно, с помощью

разума, а затем — перекраивая материальные объекты уже в реальном физическом мире (Зиммель, 1994, р. 5). Предполагается, что мыслительный процесс *дотраивания* руины является примером ментального соединения некогда связанных физически объектов¹. Таким образом, когда человек воздействует на руину, он оказывается пособником природы. Более того, сам процесс созерцания — то есть восприятие чего-то как целого и единого (Зиммель, 1996, р. 228) — также является процессом мыслительного соединения, так как человек буквально *соединяет* части в целое, чтобы увидеть полную картину.

Следовательно, образуется развилка:

1. В полной мере признается, что созерцание является пассивной деятельностью² человека. Таким образом, ниспровергается вся зиммелевская концепция руин. Они более не могут обладать «специфическим очарованием» (Зиммель, 1996, р. 228), ведь человек выступает молчаливым соучастником — созерцателем.
2. Признается гетерогенный характер пассивной деятельностью и допускается тот факт, что в некоторых случаях пассивная деятельность не мешает прочувствовать «специфическое очарование» (Зиммель, 1996, р. 228) руины.

Если целью работы служит доработка теоретической оптики Зиммеля, а не ее разрушение, то более оправданным — эвристически более продуктивным ходом — будет выбор второго пути. В этом случае необходимо *оспорить* еще один тезис, возникший в ходе интерпретации наследия немецкого классика российскими социологами. Исследователь повседневности, автор перевода вышеуказанного эссе Зиммеля «Мост и дверь», Виктор Вахштайн пишет, что при пассивной деятельности человека «исчезает напряжение» (Вахштайн, 2021, р. 517) между интенцией человека и природы. Однако ранее — в этой же работе — Вахштайн указывает на противостояние интенции архитектора и природы (Вахштайн, 2021, р. 517). Однако Вахштайн, вслед за Зиммелем, упускает из виду интенцию третьего — наблюдателя или же воспринимающего. Здесь следует уточнить, что интенции архитектора и воспринимающего не идентичны. Интенция архитектора никуда не исчезает — она заложена в самой постройке и будет

¹ Примечательно, что таким образом две базовые операции — соединение и разъединение — вписываются в контекст истории и раскрываются совершенно по-новому. Человек, оказывается, способен соединять те объекты, которые лично не видел и которые перестали существовать десятки и сотни лет назад. В соединении и разъединении появляется историческая темпоральность.

² Также примечательно, что пассивную деятельность можно соотнести с мыслительным соединением/разъединением, а активную деятельность — с физическим соединением/разъединением.

жива, покуда природа не победит ее. Это противостояние может выходить за рамки жизни архитектора — он умрет, но его творение продолжит борьбу против сил природы. Воспринимающий же может включиться в эту борьбу¹:

1. Стать молчаливым созерцателем. Поддержать силы природы до победного конца.²
2. Подписать перемирие, «законсервировать» текущую расстановку сил на неопределенное время. Таким образом, воспринимающий поддерживает интенцию природы, но хочет ограничить ее до «разумных пределов». Например, поддерживать руину в текущем состоянии и не давать ей разлагаться дальше, как это бывает с архитектурно охраняемыми объектами (Вахштайн, 2021, р. 516).
3. Поддержать интенцию архитектора и «обернуть вспять» силы природы. Примером могут служить восстановление или реставрация здания.

В первом и третьем случаях напряжение между силами природы и интенцией архитектора никуда не исчезает. Более того, мы допускаем, что и в третьем случае присутствует напряжение между ними: дело в том, что даже отреставрированное здание подвержено «изнашиванию». Таким образом, силы природы могут проиграть конкретную битву, но не сражение.

Наглядно продемонстрировано, что пассивная деятельность воспринимающего далеко не всегда приводит к потере «специфического очарования» (Зиммель, 1996, р. 228) руины и снятию напряжения (Вахштайн, 2021, р. 517) между интенцией архитектора и силами природы. При различных допущениях легитимное вмешательство человека в «дела руины» имеет разные границы. Однако все эти интерпретации объединяет один факт — нахождение человека рядом с руиной далеко не всегда катастрофично для нее.

Руина в городе. Всем бояться.

Может ли руина быть частью города? Да — на этот вопрос отвечает сам Зиммель, когда описывает множественность элементов Рима как единства

¹ Здесь и далее в некоторых местах неуместный пафос — следствие регулярного чтения Зиммеля, которое накладывает соответствующий отпечаток.

² Бывают и случаи, когда молчаливое созерцание не приводит к сокрушительной победе сил природы. Например, если городские власти приняли решение «законсервировать» текущее состояние руины, поддерживать ее в таком состоянии. Таким образом, конкретный воспринимающий, например, турист, лишь созерцает консервацию.

красоты (Зиммель, 2007, pp. 32–33). Может ли руина быть частью современного города, мегаполиса? Да — по крайней мере так утверждает Вахштайн, уточняя концептуальный аппарат Зиммеля (Вахштайн, 2021, pp. 516–517). И все же предполагается, что ответ Вахштайна — не единственно возможный.

Батя возвращается трезвым, в руке буханка: почему руине есть куда возвращаться¹?

Вахштайн пишет, что «город — пространство ультимативной искусственности <...> В городе контекстом руины оказывается не природа, а иные — вполне функциональные — постройки <...> Городской руине некуда “возвращаться”» (Вахштайн, 2021, pp. 516–517). Это утверждение не перекраивает язык Зиммеля, и при этом вносит необходимые современности коррективы. Однако следует уточнить, что город здесь воспринимается как непреложный факт. Его статус фиксируется, он выводится из темпоральности. При попытке вернуть город во временной поток обнаруживается, что ни одна из городских построек — как и любое другое человеческое творение — не вечна². Это буквалистское прочтение метафоры города как руины³ означает, что город утрачивает свой вневременной статус. Конкретная руина лишь на время становится заложником городского контекста — настанет час и силы природы одолеют человеческий город. Руина вернется домой — к природе.

Не-природные материалы современных зданий

Далее Вахштайн указывает, что «Зиммель может писать о руинировании как о «возвращении к доброй матери-природе» постольку, поскольку описываемые им руины сделаны из природных материалов — камня, дерева и глины. Но как быть с «Синим кристаллом», построенным из стекла и бетона?» (Вахштайн, 2021, p. 518). Вахштайн предлагает собственную интерпретацию, где «природа здесь проявляет себя именно в дикой растительности, уничтожающей мертвый материал⁴. Однако такое допущение

¹ (Oxxxymiron, 2021) (Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента).

² Мы вернемся к этому чуть позже, когда будем говорить о неприродных материалах.

³ Метафора принадлежит французским исследователям, см. Abruzzese & Rafele, 2011.

⁴ Прорастание дикой растительности как оперант сил природы — ход, который ранее использовал сам Зиммель, см. например Зиммель, 1996, p. 229 (прим. автора эссе).

идет в разрез с зиммелевской аналитической схемой. Да, материал «Синего кристалла» не имеет ничего общего с природой, но это не отменяет ключевого различия: логика материала противостоит логике архитектора» (Вахштайн, 2021, р. 518). Здесь Вахштайн вновь дорабатывает теоретический аппарат Зиммеля — в типологию интенций вносится логика материала. В подобный ход зашито еще одно различие — разделение материалов на природные и искусственные, не-природные. Проблема в том, что оно довольно условно.

Стекло, о котором пишет Вахштайн (Вахштайн, 2021, pp. 517–518), производится путем плавления природного элемента — песка. Этот процесс синонимичен тем, которые происходили при обработке дерева, камня и глины для построек прошлых веков — ни один из материалов не оставался нетронутым, каждый из них проходил определенный процесс человеческой обработки перед тем, как стать частью архитектурного ансамбля. К тому же, при определенных физических воздействиях природы стекло может вернуться в свое исходное состояние, так же, как и любой другой материал. Это займет больше времени, однако природа — в отличие от человека — не так чувствительна к своему сроку жизни и потому может простить материалу лишнюю сотню лет перед трансформацией в руину. Предполагается, что современные технологии позволили человеку усилить свое влияние в противостоянии с природой посредством более усложненного воздействия на одни материалы для создания других. Однако, это не умаляет сам факт противостояния и возможность победы природы. Более того, само стекло — как категория — является природным материалом в том смысле сама природа способна создавать стекло: лава, сошедшая с вулкана, может быстро застыть и превратиться в обсидиан — природное стекло. Таким образом, современная архитектура умножает власть человека, но не делает ее безграничной. Материалы все также обратимы в свое *природное состояние*¹.

Итоги

В этом эссе был доработан концептуальный аппарат Зиммеля: *сшиты* воедино теоретические положения из двух работ, указано на концептуальные (не)доработки современных авторов, а также внесено несколько авторских теоретических новшеств. Язык Зиммеля удивительно чувствите-

¹ Если все же допускается, что текущее состояние природным не является.

лен и гибок: он позволяет сделать диаметрально противоположные суждения и выводы. И полагается, что каждый из подобных шагов, при должном внимании, старании и пиетете, будет удивительно точно и ярко описывать какой-либо кусок реальности.

Руина Зиммеля существует под человеческим надзором. Она — поле битвы самых различных интенций: задумки архитектора, сил природы и материала, желаний туриста и действий городских властей. Сколько бы ни старался архитектор: ни усложнял техническое производство зданий, ни привлекал на свою сторону других агентов, — он обречен на заведомо проигрышное противостояние с природой. Руина будет существовать в городе, покуда существует город, пока он не будет смятен с лица Земли, а руина не обретет новый ландшафт. Руина будет существовать, покуда природа или человек не решат превратить ее в «кучу камней» (Зиммель, 1996, р. 229). И пока она существует.

Библиография

- Abruzzese, A., & Rafele, A. (2011). Dreamlands. La ville comme ruine, comme mémoire. *Sociétés*, №111(1), 11–16. <https://doi.org/10.3917/soc.111.0011>
- Hancock, B. H., & Garner, R. (2014). Reflections on the ruins of Athens and Rome. *History of the Human Sciences*, 27(4), 77–97. <https://doi.org/10.1177/0952695114529116>
- Oxxxymiron. (2021, December 1). *Нор-mechanics* [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=NLva43KAKic>
- SCHOKK / DIMA BAMBERG. (2018, January 23). *Schokk & Oxxxymiron - То гу-сто, то пусто* [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=C6dqO3ggPNs>
- Simmel, G. (2007). Rome. *Theory, Culture & Society*, 24(7–8), 30–37. <https://doi.org/10.1177/0263276407084466>, авторский перевод
- Вахштайн, В. (2021). *Воображая город: введение в теорию концептуализации*. Новое Литературное Обозрение.
- Зиммель, Г. (1996). *Избранное. Том второй. Созерцание жизни*. Юрист.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «РАЗРУШАЯ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ВАГА- БУНД: ГОРОДСКАЯ РУИНА В РАБОТАХ ЗИММЕЛЯ И ВАХШТАЙНА»

*Дубровский Сергей Владимирович**

Работа «Разрушая академический Вагабунд: городская руина в работах Зиммеля и Вахштайна» представляет собой глубокое исследование концепции городской руины через призму теорий Георга Зиммеля и его переводчика, а также интерпретатора Виктора Вахштайна. Автор активно взаимодействует с идеями этих ученых, дополняя их собственными теоретическими идеями, внимательно следит за ходом мысли авторов и ставит проблему.

Сильные стороны работы включают тщательный анализ исходных теорий, а также умение автора вносить свои идеи и предложения, критически оценивать, как сами статьи Георга Зиммеля «Руина» и «Мост и дверь», так и критические интерпретации других авторов, которые выполняют активную роль внутри настоящей работы. Автор успешно сочетает концепции Зиммеля и Вахштайна, выделяя их сильные и слабые стороны. Он также предлагает свои собственные интерпретации и дополнения, что делает его работу оригинальной и ценной.

Однако в работе также присутствуют слабые стороны. Например, оригинальное использование терминологии из внеученого мира может быть совершенно неясным для читателя данной статьи. В некоторых случаях это напоминает скорее заигрывание с читателем, чем серьезный аналитический труд. С другой стороны, этот минус может быть проявлением оригинального стиля автора. Во-вторых, некоторые аргументы настоящей работы, в частности критика авторской интерпретации Вахштайна, могут показаться спорными или недостаточно обоснованными. Подобные смелые заключения нуждаются в дополнительной исследовательской проработке.

* Преподаватель кафедры теоретической социологии и эпистемологии Философско-социологического факультета, эксперт отдела контроля качества образования Центра индивидуализации и развития образовательного пространства Института общественных наук РАНХиГС.

Однако стоит отметить, что на уровне постановки проблемы, подобный смелый ход может быть крайне эффективным.

Если выделять конкретные фрагменты настоящей работы, то я бы обратил внимание на следующие умозаключения: автор утверждает, что созерцание является пассивной деятельностью человека, и это влияет на восприятие руины. Однако, он не полностью развивает эту идею, оставляя читателя с вопросами о том, как именно пассивность влияет на восприятие и как это соотносится с общей концепцией руины. Во-вторых, автор обращается к идее противостояния между интенцией архитектора и природы, но не углубляется в эту тему. Это противостояние является ключевым аспектом восприятия руины, и его более детальное рассмотрение могло бы усилить аргументацию автора.

В заключение, работа представляет собой ценный вклад в изучение концепции руины, но ее аргументы требуют более глубокого анализа и доказательств. Для улучшения работы автору следует уделить больше внимания подкреплению своих утверждений с помощью конкретных примеров и аргументативных приемов, а также более глубоко исследовать ключевые концепции, которые он затрагивает.

Советы автору: стоит уделить больше внимания объяснению основных концепций для тех, кто не знаком с работами Зиммеля и Вахштайна. Также было бы полезно уделить больше внимания обоснованию своих аргументов и предположений, чтобы сделать их более убедительными.

Работа написана грамотно, ее отличает научный стиль. При этом хочется отметить теоретическую чувствительность автора и «аккуратную» работу с концепциями. Однако сами концепции нуждаются в более качественном введении в работу, как минимум, для того, чтобы погрузить читателя в свою исследовательскую логику.

TRANSFORMER SUBSTATIONS IN MOSCOW: THEIR SOCIAL AND CULTURAL BIOGRAPHY

Марианна Пьянова*

mss1901057@universitas.ru

The city is the confluence of physical and social spaces. «Towns are like electric transformers. They increase tension, accelerate the rhythm of exchange and constantly recharge human life» (Braudel, 1984, p. 497). It must be said that in the city «the mere survival of concentrated millions far removed from tillable soil presupposes a vast technological apparatus» (Wirth, 1940, p. 752). The city as a whole, unlike the countryside, is equated in its meaning with civilization, where electrification plays an important role (Braudel, 1984). Without a power system, it is impossible to imagine a comfortable existence of a person, since many aspects of their life are connected with electricity: from heating and the work of a computer or refrigerator, to the functioning of the subway and large enterprises. However, do we notice that almost every day we see elements of the city's power supply network in the urban environment around us?

We are talking about transformer substations: on the one hand, according to its purpose, it is an electrical installation designed to distribute electrical energy; on the other hand, these are nondescript buildings that can be found

* Выпускница бакалавриата, Современная социальная теория. Работа написана на 3 курсе, дисциплина: Society, Mobility, and the City (Urban Studies).

in every courtyard. Despite the important role of these objects of the urban environment in the context of human life-support, in architectural terms, they are «essentially brick or metal parallelepipeds with a pair of doors» (Хрусталева & Чубарова, 2020, p. 401). Precisely because of its simplicity and homogeneous gray walls, transformer substations become objects of vandalism in the form of an «attack» of graffiti. The residents of the surrounding houses and the energy companies that own the substations are concerned about the appearance, in their opinion, of illegitimate and unaesthetic inscriptions that spoil the exterior of objects (ЛЮЭСК, 2013). In addition, it can simply be classified not only as ugliness, damage to property, but also as actions that threaten security. This situation is forcing companies servicing transformer substations to respond to such drawings. The collaboration between energy companies, residents and graffiti artists was an attempt to change this state of affairs. As a result, substations, without changing their main function – the supply of electricity, and without changing their location in space, become the object of rethinking and reclassification. Here a problem arises: what new meanings did citizens begin to attach to transformer substations, noticing external changes? Are substations still marked only as a technical structure, or is there a new label in the «coordinates of culture»? (Копытофф, 2006, p. 134).

In our complex society, two opposite processes take place: the singularization and the commoditization of objects (Копытофф, 1986). These processes are influenced by «public institutions of singularization», which include graffiti artists and their associations, neighborhood organizations and energy companies (Копытофф, 1986, p. 81). The «stamp of collective approval» influences the transfer of things from one cultural category to another (Копытофф, 1986, p. 81). Moreover, in complex societies the hierarchy of things largely depends on «such autonomous and usually parochial systems as that of aesthetics, or morality..., or specialized professional concerns» (Копытофф, 1986, p. 82). Depending on which group of people we belong to, the meanings assigned to transformer substations may vary. For power plant engineers, it is the technical facility in which they work; for graffiti writers, it is the space that they can mark; for house residents, it is a necessary, but unsafe building inside their yard. Thus, each of the groups defines its «symbolic purpose» for the use of substations and, consequently, develops types of interaction with them (Зиммель, 2006, p. 43).

The properties of the subject are given by its cultural meanings (Копытофф, 1986). In order to understand how these cultural meanings are assigned and

to reveal the «obscure» aspects of the meaning of things, we will use the biographical method (Kopytoff, 1986, p. 67). It can be extrapolated to buildings and can be used to trace the career stages of the movement of things and their cultural marking. In addition, people's reactions to the subject's career reveal the beliefs and values that influence our attitude towards it. It should be noted that substations are structures that physically wear out over time, but we will focus only on the social and cultural biography of this building. Therefore, we will analyze transformer substations in the context of «the cultural shaping of biographies» (Kopytoff, 1986, p. 65).

An analysis of the first typical design of transformer substations suggests that at the beginning of the 20th century, with the advent of electricity in people's daily lives, it was «not perceived as something secondary», and therefore was designed and built as «full-fledged buildings» (Хрусталева & Чубарова, 2020, p. 401). However, the industrialization that began in the USSR in the 1930s required the creation of standard objects in a constantly growing electrical industry (Лившиц & Габбасова, 2017). One of such recognizable engineering structures was a transformer substation. It was greatly simplified visually and architecturally, since its main function was the supply of electricity, the creators of such typical objects were the least concerned about their appearance (Хрусталева & Чубарова, 2020). Despite some variant differences in the appearance of substations, the danger sign (lightning in a yellow triangle), which people interpret as «Do not climb, it will kill!» is always present on such buildings. «Passing by the transformer booth... the question arises – what is inside? Adults usually ... answering that death is hidden in the booth» (Maximvelgin, 2019). In addition, in the everyday speech of citizens, the term «substation» is replaced by the jargon name «booth», which reflects the simplicity, small size and service purpose of these structures.

As we mentioned above, transformer substations are often located in the middle of courtyards. Such an accessible surface is well suited for graffiti, which attracts people who are trying to find various ways of self-realization and, with cans in their hands, put tags, messages, caricatures on the walls, which can generally be described as «bombing». Indeed, this object itself is suitable for performing such practical functions and also convinces of this with its appearance (Зиммель, 2006). This type of graffiti is assessed by residents as vandalism: according to a VCIOM survey, 69% of respondents believe that such drawings are not art, while 24% say that it is rather damage to public facilities (VCIOM, 2018).

The «disfigured» appearance of the transformer booths has become the subject of controversy. In 1998 Zelenograd hosted one of the first substation

decoration projects — «Scandinavization of the transformer booths» (Тиханчиков & Дашевская, 2009). The main point of this event was an attempt, on the one hand, to «make it frighteningly incomprehensible», since the substation is a high-risk building, and on the other hand, it was necessary to diversify the urban landscape, making the substations more aesthetic (Тиханчиков & Дашевская, 2009). However, this action failed, since neither the townspeople nor the owners appreciated such a «transformation» (Тиханчиков & Дашевская, 2009).

The turning point in the biography of transformer booths was 2009, when the city government, together with the Moscow United Energy Company, organized the festival «Energy of Dreams» (Ермилова, 2018). As part of this festival, graffiti writers were provided with 500 thermal substations for decoration. This event was new for the city authorities, its residents, and the graffiti artists themselves, so «there was real chaos at the substations» (Ермилова, 2018). Despite this disorganization, the transformer substation began to acquire new meanings: it became classified not only as an engineering structure, but also as a field for creativity and transformation of the environment.

Since 2012, there has been a company «Decorate the City!», which cooperates with JSC «ОЕК» (Ермилова, 2018). According to Philip Gavrilov, the head of this project, the main principle of such collaborations is «not to turn the facades of the capital into meaningless bright spots, but to adjust the graffiti to the urban architecture» (Ермилова, 2018). It should be noted that the drawings are not only subject to approval by the authorities, but must be approved by residents of neighboring houses. In addition, substation walls, already decorated in this way, cease to be perceived by writers as an empty space where tags can be left. According to JSC «ОЕК», such power grid infrastructure facilities are less subject to vandalism (Объединенная энергетическая компания, n.d.). Graffiti artists emphasize that they comply with the rule that special symbols, warning about the danger — high voltage, should not be painted over: it is necessary to arrange the drawing so that important information about the main function of transformer substations does not fade into the background and does not merge with graffiti (Смагринская, 2021).

Transformer booths are examples of the «architecture of society», that is, objects that appeared due to the needs of the urban community (Тиханчиков & Дашевская, 2009). Consideration of the biography of substations in Moscow made it possible to visually see the process of reclassification (commoditization/singularization) of these objects, associated with attempts to fit it into the urban environment. The initial decision that transformer substations should

be isolated from the urban landscape, emphasizing their danger, failed. The reclassification did not happen: substations did not cease to be perceived by some people as a surface for tagging, and by others — as a technical structure. However, the approach of the «Decorate the City!» campaign, which, on the contrary, tried to fit transformer substations into the context of the surrounding residential environment, was successful. On the one hand, this significantly reduced the number of acts of vandalism damaging these walls, that is, there was a reclassification of substations from a «free» place for tags to a place for legitimate creativity. On the other hand, the meaning of these buildings as a technical object that could be dangerous for ordinary people was preserved. Moreover, it can be said that attractive graffiti with animals, portraits of famous people, geographical objects have become new markers for transformer substations (Объединенная энергетическая компания, n.d.).

References

- Braudel, F. (1984). *Civilization and Capitalism 15th–18th Century. Volume 3: The Perspective of the World*. Harper & Row.
- Копыtoff, I. (1986). The cultural biography of things: commoditization as process. In A. Appadurai (Ed.), *The social life of things. Commodities in cultural perspective* (pp. 64–91). Cambridge University Press.
- Maximvelgin. (2019, Август 7). Трансформаторная подстанция, что там внутри? Maximvelgin. <https://maximvelgin.ru/2019/08/07/трансформаторная-подстанция-что-там/>
- Wirth, L. (1940). The Urban Society and Civilization. *American Journal of Sociology*, 45(5), 743–755.
- ВЦИОМ. (2018, Декабрь 14). Граффити: искусство или вандализм? ВЦИОМ. <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=9482>
- Ермилова, П. (2018, Июнь 18). Пацанское искусство: как граффити преобразуют облик Москвы. РИА Недвижимость. <https://realty.ria.ru/20180618/1522909733.html>
- Зиммель, Г. (2006). Ручка. Эстетический опыт. В В. Вахштайн (Ред.), *Социология вещей* (pp. 43–47). Издательский дом «Территория будущего».

- Копытофф, И. (2006). Культурная биография вещей: товаризация как процесс. В В. Вахштайн (Ред.), *Социология вещей* (pp. 134–166). Издательский дом «Территория будущего».
- Лившиц, С.А., & Габбасова, Э.И. (2017). Экономические аспекты реализации проекта электрификации России в 1920-х годах. *Экономика и бизнес: теория и практика*, 11, 107–109.
- ЛОЭСК. (2013, Август 5). Как победить вандализм на подстанциях. <https://loesk.ru/news/1153/>
- Объединенная энергетическая компания. (n.d.). Художественное оформление трансформаторных подстанций. *Объединенная энергетическая компания*. <https://uneco.ru/hudozhestvennoe-oformlenie-transformatornyh-podstanciy>
- Смагринская, Ю. (2021, Август 30). Портрет советского геолога Владимира Обручева появился на трансформаторной подстанции в ЮЗАО. *Мой Дом Москва*. <https://moydom.moscow/2021/08/30/portret-sovetskogo-geologa-vladimira-obrucheva-poyavilsya-na-transformatornoj-podstancii-v-juzao/>
- Тиханчиков, О.С., & Дашевская, А.А. (2009). Акценты городской застройки. *Архитектура и современные информационные технологии*, 3(8), 1–5.
- Хрусталева, А.Д., & Чубарова, А.В. (2020). Реновация отдельно стоящих городских трансформаторных подстанций в контексте исторической застройки Москвы. *Наука, образование и экспериментальное проектирование*, 400–402.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «TRANSFORMER SUBSTATIONS IN MOS- COW: THEIR SOCIAL AND CULTURAL BI- OGRAPHY»

*Невердовская Марина Александровна**

Автор эссе «Transformer substations in Moscow: their social and cultural biography» берется за исследование довольно интересного вопроса, связанного с повседневностью городского жителя. Давление, которое оказывает город на жителя своим скоростным режимом, звуковым и ольфакторным ландшафтом, усугубляется редкой возможностью наблюдать зелень, столь необходимую взгляду человека, а также эстетические архитектурные объекты, особенно в «спальных» районах. Житель крупного города, да в общем и не очень крупного, каждый день видит трансформаторные подстанции у себя во дворе. Понимая, что эти строения несут вполне утилитарный характер, горожанину приходится мириться с их, прямо скажем, неприятным видом. Поэтому автор берется за исследование проблемы, касающейся возможности переосмыслить значение столь необходимых городу объектов как трансформаторные «будки» с утилитарного на культурное с применением художественных инструментов.

Чтобы разрешить поставленную проблему, автор обратился к истории вопроса и рассмотрел восприятие различными социальными группами этого типа строений, опираясь на научные статьи и новостные сводки, касающиеся инициатив по привлечение художников-граффитистов для украшения «будок». Стоит отметить, что автор стремиться к объективности, поскольку рассматривает как удавшиеся, так и не удавшиеся примеры проектов по преобразению городского ландшафта через визуальное улучшение внешнего вида подстанций. Но что самое ценное, автор подмечает, что такого рода инициативы, действительно, способны трансформировать восприятие столь неэстетичных объектов, если проекты будут направлены

* Магистр менеджмента, MA in Cultural Management (University of Manchester). Старший преподаватель кафедры менеджмента и культурной политики МВШСЭН. Руководитель программы бакалавриата «Менеджмент креативных проектов».

на грамотное вписывание внешнего вида «будки» в городскую среду, а также вовлекать в деятельность местных жителей или хотя бы стремиться к их одобрению. Данный тезис очень хорош в контексте поставленной проблемы, но я бы рекомендовала автору не останавливаться на нем, а усилить результаты данной работы, расширив временной период рассмотрения вопроса. С последнего запуска фестиваля «Энергия мечты», о котором пишет автор, прошло достаточное количество времени, чтобы зафиксировать, что происходит с граффити, приходят ли они в упадок, обновляются ли, а главное, что происходит с восприятием в сознании горожанина объектов, тех самых «будок», ставших своеобразными художественными холстами.

THE RUINS OF THE WESTERN WALL

Екатерина (Ава) Крощенко*

mss1901095@universitas.ru

Ruins, in a common sense, are constructions which were made by effect of the time, people or destructive human or natural actions and were destroyed by these factors. In modern world the remains of the buildings bear both historical, cultural and religious value. Moreover, ruins are politically affected: «The ruin has assumed visibility as the spatial trace of political conflict, particularly as «evidence» of or “witness” to violence» (Hersher, 2014, p. 465). They are considered from different perspectives: «Urban ruins have been considered part of the latter category, focusing on the ways in which heritage and memory-making are woven into the political status of social practices» (Göbel, 2021, p. 2)

Referencing to Simmel, he described ruination/ruins as a prevalence of nature over the spirit (Зиммель, 1996). Nature breaking a balance between nature and the spirit, which is necessary for these type of architecture remains being and it is understanding a ruin. This prevalence is important, however human actions can also prevail in this tandem, but the ruin’s charm will disappear. I will apply this Simmel’s outlook of the ruin to empirical case study of remains of the Second Temple, The Western Wall in Jerusalem in Israel and mention some blind spots, which Simmel did not mention, applying to remains having religious value.

The Wailing Wall or The Western Wall is a remaining part of the Second Temple on the Temple Mount in Jerusalem. On the Temple Mount there were

* Выпускница бакалавриата, Современная социальная теория. Работа написана на 3 курсе, дисциплина: Society, Mobility and the City (Urban Studies).

two Temples: the First and the Second. The focus will be on the Second Temple due to its more sacred significance for the Jewish community and the role of some remains of it which is known now as the Western Wall for religious people. The Second Temple existed in the period of 516 B.C.E to 70 C.E. and was built by Judeans «who had returned home from the Babylonian exile, a major refurbishing of the temple was begun by the Roman client-king Herod» (Loewenberg, 2017). However, the Second Temple was destroyed by the Romans in the first Jewish war.

However, apart from the Western Wall there are some remains of it as stones, the Kidron Valley tombs, Robinson's Arch, the Herodian residential quarter. The second name of the Western Wall is 'the Wailing Wall'. The second name the Wall received from the British in the XX century during the long period of time people used to come to the Wall and make prayers and thank G-d. (Jewish Virtual Library. A project of AICE, n.d.)

Its sacredness the Wall accept from the place, where it located — the Temple Mountain (Loewenberg, 2017). The Second Temple was reconstructed by Herod and destroyed by Romans due to several acts of rebellion in the north part of Judea, where Rome managed (Steppes of Faith, 2019).

Moreover, this place has a sacred function not only for Jew, but also for Muslims. Today on Temple Mountain is Dome of the Rock and Al-Aqsa Mosque, third significant mosque for the Muslims. However, probably Dome of the Rock could be the shrine for Jews also so this object is placed over the Foundation Stone or Noble Rock. The Foundation Stone is considered to be a start of the Universe made by G-d.

Jerusalem had been influenced by Islamic world for a long period of time because more than 800 years ago it the city was taken in the First Crusade by the Muslims. Moreover, this Islamic influence was damaging for the city and shrines. For instance, «the Arabs used the Wall as a garbage dump» (Jewish Virtual Library. A project of AICE, n.d.)

Nowadays it is observable a certain treatment to preserved remains of buildings and this attitude received the name 'ruin gaze'. Phenomenon of ruin gaze «can be understood as the particular optics that frame our relationship to ruins» (Boym, 2017, p. 44). Perhaps, it can be called ruinophilia due to fantasy and nostalgia of the Past.

Remains of buildings also can interface a trauma of a period. A trauma understands as «the event becomes a trauma only in hindsight and survival itself is a trauma» (Аникин, 2021, p. 350). Some ruins which can be called 'artificially made' (not because of the time influence) demonstrate these powers that have

created them: «The ruin has assumed visibility as the spatial trace of political conflict, particularly as “evidence” of or “witness” to violence» (Herscher, 2014, p. 465). For instance, the Berlin Wall was created after the Second World war to separate areas of the city between the winning countries as a form of reparation. (Hohensee, n.d.)

Obviously, The Western Wall has cultural value as others monuments of antiquity as Notre-Dame de Paris, St. Basil Cathedral, St. Stephen's Dom and etc.: «Urban ruins can be described as sites of cultural value-making» (Göbel, 2021, p. 1). Specific attitude to ruins can be considered not only from cultural values but also from religious. For example, the Wailing Wall is directly and closely related to Jewish culture and History and is presented as not only the cultural item but also as the religious one due to high connection to religiosity significance and religious shrines such as Temple Mountain and because it is a part of other shrines as the Second Temple.

In an 'ideal' world all buildings exist through mix of the spirit and the nature and their balance: «Architecture uses, however, and distributes the weight of matter and its ability to carry the load according to the plan that arises only in the soul» (Зиммель, 1996, p. 227). However, if one of these components begin to prevail, the balance will collapse. Ruins are usually formed in a case of the nature prevalence because it is nature's revenge for the spirit's pressure and violence (Зиммель, 1996). Moreover, the 'natural' component gives specific attitude to remains that is could not perceived from 'manly' ruins: «the charm of the ruin lies in the fact that in it the work of man is perceived ultimately as a product of nature» (Зиммель, 1996, p. 229).

A ruin is a remain of buildings having more cultural value in a common sense:

Therefore, in a number of Roman ruins, no matter how interesting they are otherwise, there is no specific focus on them – in them we see the destruction committed by man, and this contradicts the opposite between the creation of man and the action of nature, the opposite on which the meaning of the ruins as such is based. (Зиммель, 1996, p. 228)

Simmel's point in did not excluded or not mentioned specific role or value of some ruins, however he mentioned. that the ruin itself has a value in any cases or other items of historical and cultural value: «the ruin still remains more full of meaning, more significant phenomenon than fragments of other destroyed works of art» (Зиммель, 1996, p. 228). Roman ruins have only cultural aspect so mentioning prevalence of human action or the spirit, which influence

in the tandem do not give the rightness of the 'ruin' term. destruction for while religious buildings.

Ruins are remains of some buildings, in which the nature triumph over the spirit as Georg Simmel mentioned in «The ruin». Careful attention to ruins begin from the first decades of the XXth in poetry and focus on architecture. Remains can demonstrate not only cultural value as a historical monument but also a monument of some violence. For example, the Berlin Wall, which become the boarder not only on the map, but also for many families and relatives. In the Simmel's union of the Nature and the spirit is the prevalence of the spirit Human action also can provoke ruins' creation however it contradicts the nature of the ruin. The ruins of the Second Temple is the Western or the Wailing Wall, as known nowadays, are placed on the Temple mountain in Jerusalem and are example of prevalence of the spirit (humans' action) over the Nature because the Second Temple was destroyed by the Romans (by humans in general) in the first Jewish war. According to Simmel, the balance between the nature and the spirit was broken by human so that makes the Western Wall 'wrong' ruins. The Temple Mountain and However Simmel did not mention religious component/value of buildings which can make the ruin valuable and 'the real' or 'right' even in case of action of humans.

References

- Boym, S. (2017). *The Off-Modern*. Bloomsbury.
- Göbel, H. K. (2021). Making Cultural Values out of Urban Ruins: Re-enactments of Atmospheres. *Space and Culture*, 24(3), 408–420.
<https://doi.org/10.1177/1206331221997696>
- Herscher, A. (2014). In Ruins: Architecture, Memory, Counter-memory. *Journal of the Society of Architectural Historians*, 73(4), 464–469.
<https://doi.org/10.1525/jsah.2014.73.4.464>
- Hohensee, N. (n.d.). The Berlin Wall as a political symbol [MOOC lecture]. In *Modernisms 1900-1980*. KhanAcademy. <https://www.khan-academy.org/humanities/art-1010/architecture-design/late-modernism-post-modernism/a/the-berlin-wall-as-a-political-symbol-edit>

Jewish Virtual Library. A project of AICE. (n.d.). The Western Wall: History & Overview. In Jewish Virtual Library. A project of AICE. Retrieved June 2, 2022, from <https://www.jewishvirtuallibrary.org/history-and-overivew-of-the-western-wall>

Loewenberg, F. M. (2017). Is the Western Wall Judaism's Holiest Site? Middle East Quarterly.

Steppes of Faith. (2019, November 22). How the Roman army Utterly destroyed the Second Temple. Steppes of Faith. <http://www.stepsoffaith.com/apologetics/roman-army-destroyed-second-temple>

Аникин, Д. А. (2021). Руины прошлого: визуализация культурной травмы как социальный феномен. Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии, 22(1), 348–357. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.025>

Зиммель, Г. (1996). Избранное. Том второй. Созерцание жизни. Юрист.

Приговоренные в Черный дельфин. ИК-6. 2 серия. Приговоренные пожизненно | Криминальная Россия // Youtube: сайт. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=URaudwq9AUw> (дата обращения: 16.12.2022).

Сквернословие при чтении указа и недоносительство: чем занималась Тайная канцелярия? // МИР24: сайт. — URL: <https://mir24.tv/articles/16433307/skvernoslovie-pri-chtenii-ukaza-i-nedonositelstvo-chem-zanimalas-tainaya-kancelyariya> (дата обращения: 16.12.2022).

Судебник 1550 года // Хронос: сайт. — URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1500dok/1550sudeb.php> (дата обращения: 16.12.2022).

Указ Петра Первого о донесении на преступников от 23 октября 1713 // История России до 1917 года: сайт. — URL: <http://russiahistory.ru/ukaz->

[petra-pervogo-o-donesenii-na-prestupnikov-ot-23-oktyabrya-1713/](#) (дата обращения: 16.12.2022).

Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича / А. Шлихтинг // Восточная литература: сайт. — URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Schlichting/frametext.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

РЕЦЕНЗИИ К ЭССЕ «THE RUINS OF THE WESTERN WALL»

*Кожеуров Станислав Александрович**

Немного сбивчивое, иногда даже напоминающее лоскутное одеяло тезисов, идей или просто заметок, это эссе, однако, заслуживает самого пристального внимания. Оно, вероятно, само заслуживает стать объектом исследования — если это и преувеличение, то лишь отчасти. Подобно тому, как Стена плача, в умелых руках автора, превратилась из сакральной конструкции (и, увы, туристической открытки) в материальный артефакт, способный указать на что-то важное в социологической теории, в частности, у Г. Зиммеля, так и это эссе для нас станет способом увидеть нечто.

Собственно, исследовательский вопрос автора, с одной стороны, очевиден, а с другой, довольно хитер: что зиммелевский взгляд может сказать нам о Стене плача и что Стена плача может сказать нам о тех самых белых пятнах в зиммелевской оптике? Если бы обе части этой сложносочиненной аналитической задачи получили бы равное внимание в тексте, он, наверняка, стал бы лучше как эссе, но хуже — как объект для рецензии. Автор деликатно забывает о первой части своего собственного вопроса: место зиммелевского анализа Стены плача заполняется короткими зарисовками об Иерусалиме и Храме.

Вторая же часть вопроса — а именно, что же Стена плача может сказать нам о белых пятнах в оптике Зиммеля — явно интересуется автора ощутимо больше. Кажется, именно тут кроется главная хитрость и интерес этого текста: автор использует материальный артефакт абсолютно инструментально; он и все социальные и политические перипетии его оплетающие автору если и интересны, то в «фоном режиме». Интересен же автору, напротив, сам Зиммель: что он (не) смог артикулировать, увидеть, сказать.

Возможна ли и легитимна ли такая постановка проблемы и такой фокус эссе? Вне всяких сомнений, да, и возможна, и легитимна. Более того, она

* Старший преподаватель кафедры наук об обществе и человеке факультета гуманитарных наук ОАНО «МВШСЭН», руководитель образовательной программы «Политические исследования и анализ данных».

показывает нам тот особый Denkstil, в котором диалог с теньями, от Аристотеля через Гоббса к Зиммелю, становится самоценной формой интеллектуальной и научной активности, отодвигающей все прочее на второй план. В сущности, это эссе отнюдь не про Стену плача или материальные артефакты, да и, наверно, даже не про Зиммеля – оно про Denkstil, а вот насколько он близок или, напротив, возмутителен им, дорогие читатели решат уже сами.

*Петрова Алина Егоровна**

Текст едва ли можно назвать удачным. Автор стремится раскрыть теорию Зиммеля через пример восприятия Стены Плача в еврейской культуре. Стена как символ руин / отсутствия Второго храма — важная тема внутри Jewish Studies, с довольно полярными точками зрения. Однако в представленном тексте она раскрыта довольно однобоко. По мере раскрытия темы, фокус автора несколько смещается с практик коммеморации вокруг факта отсутствия Храма на историческую справку, какое значение и функции были у Стены до разрушения. Парадоксально также, что в библиографии нет ни одного израильского автора или хотя бы плюс-минус крупного исследователя по теме еврейской идентичности. Еще один нюанс касается влияния русскоязычного бэкграунда автора, которое ощущается через текст: на английском языке при упоминании Стены Плача обычно используется понятие «The Western Wall», а не «The Wailing Wall».

* Преподавательница кафедры наук об обществе и человеке факультета гуманитарных наук.

STOPPED ESCALATOR: ACCESSIBILITY OF SPACE AND TIME

Анастасия Кузнецова*
mss1901007@universitas.ru

Tsaritsyno metro station is the nearest metro station to the «Yuzhny» Inclusive Education Center, most parents choose to bring their children to this station in the morning. The school educates children with limited mobility — mostly with disorders of the musculoskeletal system, less often — visually impaired. The urban environment in Moscow is sometimes hostile to people, but the number of problems for citizens with mobility problems increases significantly.

This essay is an attempt to describe the use of the Tsaritsyno metro station by children with limited mobility and their accompanying persons. The essay was written based on participatory observation during the January-February 2022 period and relies on correspondence with the State Unitary Enterprise «Moscow Metro» in 2017. We will be interested in how the objects in the metro, and in particular the escalator, organize the passenger experience of people with limited mobility. To do this, it will be necessary to answer questions about which actants are involved in this process, and what are the features of the experience of passenger interaction of the low-mobility population in comparison with other passengers.

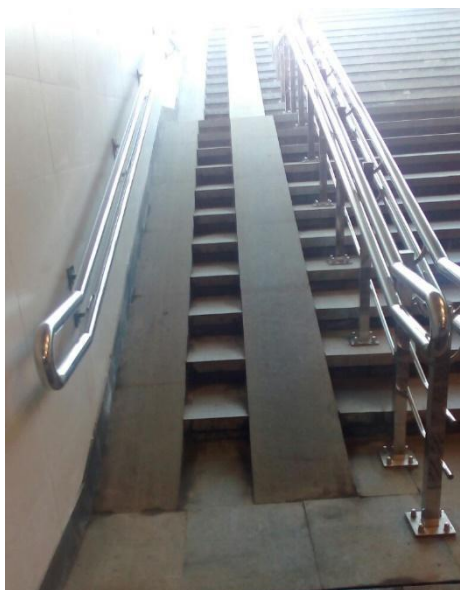
* Выпускница бакалавриата, Современная социальная теория. Работа написана на 3 курсе, дисциплина: Society, Mobility and the City (Urban Studies).

Next, we will turn to the theory of multiple objects, but first we will focus on Latour and his theoretical arguments about the role of things in the social world (Latour, 1992). According to Latour, actants can be human and non-human (Latour, 2005). Human and non-human actants have an equal opportunity to act, that is, to mediate the actions of others (Latour, 1996). The interaction of human and non-human actants forms a social network.¹

John Law writes that any object must consist of a core and a periphery (which can be changeable) (Law, 2002). If we apply the example of a ship to a metro station, then we can say that the cashier's illness and the closure of one of the payment windows will not change the metro station as an object, but at any moment the operation of trains can be stopped, and the station can become a bomb shelter from public transport. The multiplicity of an object arises when the same object has several versions, depending on the practices of interaction with it (Mol, 2002).

We will try to consider how disabled schoolchildren and their accompanying persons get home, and with which actants they interact. First, it should be noted that the maintainers have two options: to call people from the Mobility Center or try to get to the platform on their own. We will focus on the interaction with the Mobility Center later. To get to the Tsaritsyno metro station, you need to go down the ramps to the pedestrian crossings (pic.1). Accompanying persons face the first difficulties of interacting with objects in the metro at this stage already. They note that the new double handrails prevent assistance from «outside» the ramp. The handrail, like an actant, prevents it from being possible to hold the stroller on the side and help control the descent speed. Most accompanying persons go back down, and they need to attract metro passengers as assistants. The actant-random passerby, whom they ask for help, now also descends the ramps, only from the front (if weather conditions do not interfere, and the wheels of the stroller allow you to walk in front of them). The main difficulty is to prevent the wheels from moving out between the two ramps, and it is caused by the fact that iron pipes are needed for comfortable interaction of wheelchairs and ramps, as in pic.2. Ramps in this case still provide physical accessibility to the entrance to the metro.

¹ In the case of a metro station, the network is formed by disabled children and accompanying persons who need to get home, ramps in the transition to the metro station, which in turn may be wet due to another actant - weather conditions, technical standards according to which these ramps were installed at a certain angle, etc. Social networks have a multi-level architecture. We can say that the Tsaritsyno metro station is, along with other stations, part of the Metro network, while the ticket collector and turnstiles in the metro lobby will be part of the fare network.

Pic. 2

Pic. 1

After descending passengers are waiting for the door to the station, which is also helped to hold by other passengers, this time without a verbal request. Further, the route practically does not differ from people without wheelchairs. However, to reach the wide turnstile, the attendant has to go across the flow of passengers, because the turnstile is located on the opposite side of the exit. Immediately after the turnstiles, the main character of the story is waiting for us – the descent to the platform.

The Tsaritsyno metro station has two escalators and a flight of stairs without ramps that connect the ticket halls and the platform. In the morning, one escalator goes up and the other goes down. At 11 o'clock the escalator to the descent is locked, the employee leaves in an unknown direction and appears again only the next day at 7 am. With the disappearance of an employee, the opportunity to go down the escalator disappears, only a flight of stairs with several flights remains, along which everyone descends. Accompanying wheelchair users and other children with musculoskeletal disorders are faced with the need to call a Mobility Center or again ask for help from passers-by. However, in this case, passengers on the metro must have certain competencies to lift a heavy stroller with a child. Employees at the station answer questions: «Ask the passengers, the citizens will help you».

A grandmother with her granddaughter in a stroller looks out for strong men, loudly addressing them: «Boys, help, please,» after someone agrees, she leads the process – explains which parts of the stroller can be carried down, where the brake is, where you cannot pull the handle, because it is removed.

Young people lower the child down and leave. The whole process takes quite a long time. First, it interferes with the rest of the flow of passengers, including causing hissing and cursing as the stroller is carried across the aisle. Researchers often note the presence of special conditions for the movement of people with disabilities, which are expressed in slower movement in transport (Yarskaya-Smirnova & Yarskaya-Smirnova, 2021). Moreover, the process strongly depends on how the actant in the person of a bystander understood the instructions so as not to accidentally pull out a part of the carriage. Temporary exclusion from the network of the escalator to the descent makes the process less safe.

But in this case, the role of the escalator for the movement of people with limited mobility is not only to create a comfortable movement without the participation of stairs and the help of outsiders. The escalator is an element that allows you to stay in the rhythm of everyday communication, minimizes the difference in actions with the flow of other people. In the absence of an escalator, the search for a solution to access the platform falls on the shoulders of passengers or metro employees.

Here it is necessary to make a small digression and talk about how the Moscow Mobility Center network works. For clients of the metro support service, the process of attracting help begins strongly in advance¹. The metro support service waits for late passengers for 20 minutes, if no one comes during this time, they cancel the call. Here lies another difficulty: the bus, which runs from the school stop according to the schedule every 13 minutes, actually appears every half hour. There is a regularity of public transport movement as another actant affecting the successful entrance to the metro.

Considering the number of requests from the school, we can say that the Moscow Mobility Center replaces the escalator within the afternoon. Except that unlike casual assistants, employees of the Mobility Center are regular members of the network, and they have their own action plan. One of the employees purposefully interferes with the passage of other passengers so that the

¹ The Moscow Mobility Center accepts applications at least 24 hours in advance, while the application is submitted for 1 day, the operators do not record several applications at once, which would be more convenient for parents who know exactly the lesson schedule for the week. In the case of a late call, the application will be processed if there are available employees: at the same time, fewer people may arrive than is necessary for a passenger with limited mobility. For example, one of the parents complains that two people arrived, said that they would only carry a stroller, and the child is carried by the parent himself. Passengers are escorted from the entrance to the metro or from the bus stop, at the end of the journey, in the case of visually impaired passengers, an employee waits with them for the desired bus number.

others lower the wheelchair down the stairs, eliminating the possibility of a «breakdown», that is, a fall.

At the same time, it seems that after the escalator stops, the constitutive core of the relations of the Tsaritsyno metro station network does not change in any way, just due to the presence of other actants of the network in the form of random passengers and the Mobility Center that perform its functions. The core of the station is the ability to access the platform, which is provided by stairs for ordinary passengers, and for people with limited mobility — by other passengers and employees. Physically, the escalator does not disappear anywhere, it remains part of the transition between the lobby and the platform in the metro space.

The escalator also organizationally remains part of the metro station, change in parts of the components due to the stop does not occur. The escalator service knows the schedule of its work. The employees of the metro station know that the escalator is not broken — it is temporarily stopped, which is reported to everyone interested.¹

Here we can talk about the multiplicity of the escalator as an object. First, for passengers, the escalator is a technology that allows them to avoid a lot of unnecessary actions, ensure the safety of the descent, and increase its speed.

However, for the metro as an organization, the escalator is a mark on the plan, they consider it as one of the elements in the project documentation that will be changed². At the same time, the Escalator Service directorate refers to the history of construction in 1984³ thereby linking the escalator as an object with actants who are no longer involved in interaction.

Thus, the temporary shutdown of the escalator does not entail its exclusion from the network for metro workers, it remains part of the conditions for the use of urban transport. Nevertheless, the shutdown entails the impossibility for low-mobility citizens to standardize their movement, the need to shift the functions of the escalator to employees and other passengers. Moreover, in addition to problems with the physical accessibility of space, there are problems with social accessibility: there are no guarantees that people in the metro will help to get down. The multiplicity of the escalator as an object is manifested against the background of a dispute between passengers and the metro.

¹ In a personal conversation, when asked why it is impossible to turn on the escalator for a few more hours in the afternoon, the station staff answer: "The equipment must be protected, it must rest."

² "...organization of public spaces for comfortable conditions of use of urban public transport and transfers in compliance with safe and comfortable conditions for passengers" (Appendix 1).

³ "in accordance with the building codes and rules in force at the time of construction of the station, escalators at this station were intended only for lifting" (Appendix 1).

References

- Latour, B. (1996). On interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity. An International Journal*, 3(4).
- Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actant-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Latour, B. (1992). Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts. Bijker, W. E. and Law, J. (Eds) *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, MA, MIT Press, 225–258.
- Law, J. (2002). Objects and Spaces. *Theory, Culture & Society*, 19(5–6), 91–105.
<https://doi.org/10.1177/026327602761899165>
- Mol, A. (2003). *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Science and Cultural Theory)* (Illustrated ed.). Duke University Press.
- Yarskaya-Smirnova, V. N., & Yarskaya-Smirnova, E. R. (2021). Modes of Temporality in the Narratives about the Accessibility of the Urban Environment. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2, 92–102.
<https://doi.org/10.31857/s013216250010208-1>

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «ESCALATOR: ACCESSIBILITY OF SPACE AND TIME»

*Титков Алексей Сергеевич**

В тексте лучше всего получились полевые наблюдения, из которых становится понятно, «что идет не так». Наблюдение проходило на станции метро, через которую проходят (вернее, проезжают на колясках) дети-инвалиды со своими родителями. Автор замечает трудности, с которыми сталкиваются такие пассажиры. Вот пандус с неудобными перилами, из-за которых коляску нельзя поддерживать сбоку, можно только снизу. Вот лифт, который работает только в утренние часы, потому что сотрудникам станции «беречь оборудование» важнее, чем помогать детям-инвалидам.

Чтобы объяснить происходящее, автор обращается к разработкам акторно-сетевой сетевой теории (АСТ). На вооружение берутся, прежде всего, идея Бруно Латура об актантах-нечеловеках и концепция множественной реальности Анмари Мол. Из текста понятно, как они связаны с полевыми данными. Вот проход с пандусом, который помогает или мешает, он тоже участник взаимодействия. Вот один и тот же эскалатор, который для инвалидов в колясках и для работников станции означает разное, — реальности первых и вторых не совпадают.

Для учебной работы это хороший результат. Для «взрослого» исследования можно было бы сделать больше, с тем же полем и с примерно таким же теоретическим выбором. Теории важны тем, что дают подсказку, какие вопросы задавать и где искать решение. Например, Мол и ее концепция множественного тела. Она действительно обращает внимание, что в разных практиках получаются разные представления о мире, — но не останавливается на этом, а задается вопросом: как, несмотря на такие различия, возможна совместная деятельность. Хирурги и терапевты видят болезнь по-разному, сканирование и ангиография могут дать разные результаты — но больного надо лечить, надо договариваться об общем плане действий. В эссе мы видим разные позиции работников метро и родителей, это важно,

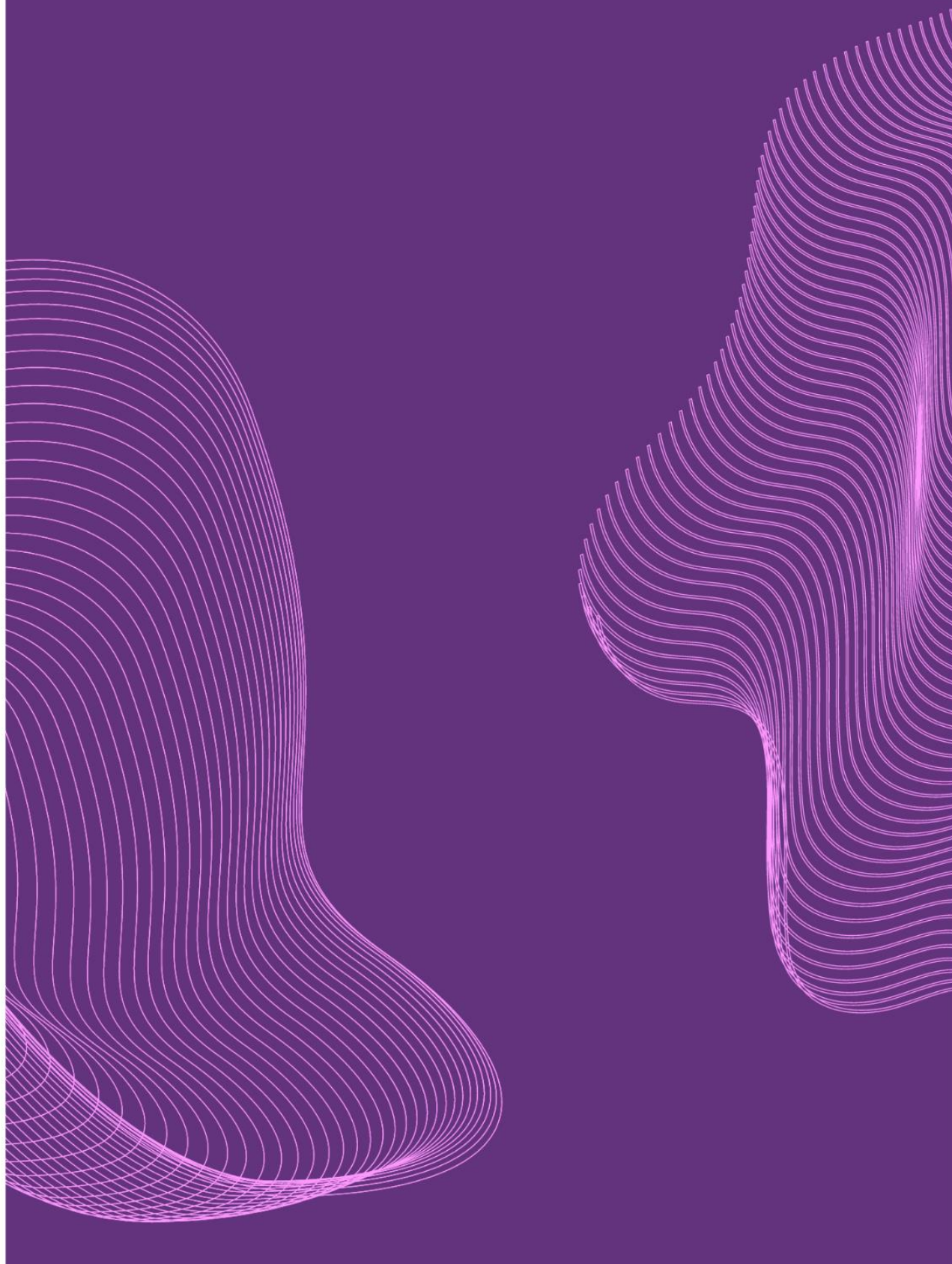
* Доцент факультета социальных наук МВШСЭН, кандидат географических наук, MA in sociology.

— а дальше можно было сфокусироваться на том, что делают обе стороны, чтобы согласовать свои практики. Возможно, они сделали мало, но это нужно было выяснить.

Ключевое для АСТ понятие сети (в эссе оно, конечно, есть) тоже могло дать больше. Сеть в АСТ это не просто набор людей и вещей, связанных друг с другом. Важна прежде всего динамика: как люди создают сеть, ищут союзников (человеческих или иных), которые помогли бы справиться с проблемами. Автор эссе видит сеть (сетевым объектом) прежде всего метро. Это, конечно, допустимый ход, не ошибка, но для исследования в стиле АСТ важно, что Московское метро — сложившийся устойчивый объект с девятистолетней историей. Для проблематики АСТ больше подходят начальные моменты, когда сеть только складывается и результат, сложится или нет, еще не очевиден. Наблюдения автора эссе позволяют реконструировать выстраивание сети («перевод» по Каллону и Латуру 1980-х годов), которым заняты родители детей-инвалидов: они просят проходящих пассажиров помочь, ищут более удобные проходы, пишут письма в дирекцию метрополитена и др. Мне кажется, именно эту деятельность стоило бы сделать главным фокусом анализа.

Когда студенты делают что-то недостаточно идеально, для преподавателей это повод задуматься: чему и как можно было бы научить лучше. Наверно, один из пробелов в том, что в Шанинке больше привыкли читать АСТ в теоретическом ключе и меньше учат видеть в них образцы для собственных эмпирических работ. Попробуем придумать, как научить и тому, и другому.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

ПОХОРОНКА: INCORPORATION OF PRIVATE CREMATORIA IN THE ORGANIZATIONAL FIELD OF THE RUSSIAN INDUSTRY OF DEATH

Евгения Лучкина*

mss1901051@universitas.ru

Death is a taboo topic in any society, the discussion of which can cause embarrassment, fear and painful memories of the loss of loved ones. Nevertheless, at the same time, due to its inevitability, the topic of death often needs to be discussed, in particular, as regards to the burial of a person and his possible preferences in this matter. Each culture has its own attitude towards death, dying, and also has its own burial practices and rituals. So, for example, in the Russian Federation, burials in the cemetery are the most traditional, but there is also the practice of cremation. According to studies as of 2019, «89% of Russians prefer to bury their dead relatives in cemeteries, 11% prefer to be cremated» (Антонов, 2020/2023).

Several major factors can be attributed to the «unpopularity» of cremation. First, there are more than 600,000 cemeteries in Russia and a little less than 30 crematoria, while two of them are located only in Moscow and the Moscow region, in other words, there is about one crematorium per 5,000,000 people

* Выпускница бакалавриата, Современная социальная теория. Работа написана на 4 курсе, дисциплина: Organisational Studies Essay.

(Антонов, 2020/2023). Secondly, it can be assumed that the reason lies in religious beliefs. Orthodox burial traditions prevail in Russia, which require burial according to the burial ritual of Jesus Christ: washing, dressing in special clothes and burial. In other words, the cremation of a person is perceived as a violation of Christian traditions and is most often condemned.

However, it should be understood that, according to Ilya Boltunov, the owner of a network of funeral homes, in the case of the funeral business, the formula «demand creates supply» is completely reversed, and the presence of supply creates demand, which explains that «in cities where crematoria appear, the number of cremations is rapidly increasing» (Гурьянов, 2022). Andrey Tsvetnov, coordinating director of the corporation of funeral directors, notes that «people do not want to use crematoria only as long as they are located at a considerable distance from their place of residence» (Гурьянов, 2022). For the rest, according to statistics, about 69% of Russians would prefer cremation, and only 20% agree to burial in the ground (Епифанов, 2020).

Meanwhile, the need to build new crematoria became apparent during the coronavirus pandemic, when it was necessary to burn the bodies of the sick to prevent the further spread of the virus, which even burials in closed coffins could not provide. However, only one private crematorium was built during this period, and 20 other projects are now only under consideration or in the process of construction.

Due to the pandemic, the number of cremated people in Moscow increased by 38% and on average 70–80% of the deceased residents of the capital are cremated, but in Nizhny Novgorod this figure is only 5% and has not changed even during the pandemic (Епифанов, 2020).

Out of almost 30 crematoria in Russia, 19 of them are private ones, the rest are municipal institutions. Nevertheless, in order to close the existing need for crematoria, at least in cities with a million population, it is necessary to build the same number of institutions. According to Aleksey Suloev, President of the Associations of Crematoria, the interest of entrepreneurs in the construction of new crematoria has grown almost 10 times recently, as they are attracted by the profitability of this business (Касс, 2021).

Thus, taking into account the availability of demand, prospects, stability and profitability of this business, the question arises: why the private sector of crematoria has long been and remains underdeveloped in the Russian Federation.

First of all, in order to answer our research question and understand what obstacles have existed and still exist for the development of the private sector

in the field of cremation, it is worth starting with a consideration of the funeral business in Russia as a whole, from the point of view of the organizational field that has been formed within this industry.

It should be noted that the funeral services market in Russia differs significantly from most global organizations. In order to understand this, it is enough to single out the main actors that are involved in the organizational field of the funeral industry in modern Russia. Organizational fields mean «those organizations that, in the aggregate, constitute a recognized area of institutional life: key suppliers, resource and product consumers, regulatory agencies, and other organizations that produce similar services or products» (DiMaggio & Powell, 2015, p. 145). On the one hand, the funeral industry is under the responsibility of the state and «regulated by local authorities – from federal subjects to rural municipalities» (Мохов, 2017, p. 60). They are obliged to provide maintenance of cemeteries and social funerals. Morgues, in turn, are under the jurisdiction of the Ministry of Health. Private organizations, in fact, can be in this chain exclusively in the role of state partners. In this «ideal» system, where most of the processes are regulated or inextricably linked with the state, it should be a highly institutionalized contexts in which there is an opportunity for the emergence and rapid development of new organizations, as well as for embedding new practices in existing organizations (Meyer & Rowan, 1977).

However, the actual picture of the funeral infrastructure is quite different. In reality, the entire «industry of death» is poorly regulated by the state, «local authorities prefer to relieve themselves of responsibility and the burden on the social budget, in fact, providing the market with a completely autonomous status without the possibility of creating its own infrastructure» (Мохов, 2017, p. 61). In this regard, the shadow market of ritual services is highly developed in Russia, and corruption in this area is a common phenomenon. In addition to the state and other authorities, other actors are eventually involved in the scheme of the funeral industry: orderlies who provide ablution services, hospital workers and police officers who sell information about the dead to funeral homes, private companies that ultimately maintain cemeteries and provide places on them (Мохов, 2017). Despite this, Russian law does not prohibit the establishment of private crematoria according to the Law «О погребении и похоронном деле», which states that “crematoria may be run by local authorities» (О погребении и похоронном деле, 1996). So why is the private enterprise sector poorly developed in an industry that is relatively free from state control?

The answer to this question may be that «the formal structures of many organizations in postindustrial society (Bell, 1973) dramatically reflect the myths of their institutional environments instead of the demands of their work activities» (Meyer & Rowan, 1977, p. 341). In other words, the conformity of organizations in relation to institutionalized myths increases the level of its legitimacy, and, accordingly, the chances of survival. From this point of view, private crematoria do not fit into the framework of the myths established in the environment of the funeral industry.

For the most part, organizations included in the funeral industry network are isomorphic, they provide approximately the same services at approximately the same prices. It is important to understand that most organizations involved in the funeral business have a monopoly on some objects or areas in a particular municipality, limiting themselves to it. However, private crematoria “which innovate in important structural ways bear considerable costs in legitimacy” (Meyer & Rowan, 1977, p. 353), since in terms of efficiency, private crematoria, while having more advantages than the traditional method of burial, are worse integrated into the structure of institutional rules. First, the average cost of cremation is half that of burial in the ground, for which some people are willing to travel to other municipalities. Secondly, crematoria are computerized, thanks to which the cost of services can be easily calculated, and their feasibility can be checked, as the expert notes (Арте́мьев, 2019). Thus, the possibility of existence of the shadow part of the business is significantly reduced.

Summing up the intermediate result, from the point of view of a society, private crematoria do not have any characteristics that would violate institutional rules, as a result of which legitimacy would be lost. Despite the fact that, according to Walter (2005), the interaction of institutions with religion is crucial in determining ritual practices, in reality, even the religious component of burial rituals does not influence the acquisition of legitimacy by these organizations, since representatives of most religions, although they do not approve cremation, but do not oppose it, accepting the position of society (Арте́мьев, 2019). Moreover, such organizations should appear more rational due to their effectiveness. However, due to the lack of alternatives (a fairly large number of crematoria that could honestly compete with cemeteries), the traditional burial system and the organizations included in it, despite all their shortcomings, are perceived by society as legitimate.

If we take into account that the black profits of the funeral market are two to four times greater than the official income (Касс, 2021), it is worth making

the assumption that programs that make the business more official and economically transparent, as well as more heterogeneous, they violate the institutional rules of the shadow part of this business: the «rules» of corruption, monopolization, which are common and traditional in this sphere.

In this regard, the lack of legitimacy of private crematoria can be seen in the fact that the use of crematorium services implies a complete or partial refusal of services provided by other organizations included in this industry, which violates the institutional rules that exist in this environment. For example, consumers refuse to buy expensive coffins, cemetery plots, and choose washing and body care services provided not by orderlies in a mortuary or hospital, but by crematorium workers. Violation of institutional rules and attempts to institutionalize new ones increase the level of competition between crematoria and «cemeteries», causing the latter ones to push the first ones out of the market.

As an example, we can consider the situation with Russia's first private crematorium in Novosibirsk. So, the founder of this crematorium, Sergey Yakushin, in his interview said that at the start of his business, 18 lawsuits were filed against the organization by its competitors (Арте́мьев, 2019). One of these competitors was a municipal crematorium, which initiated a lawsuit related to the intellectual rights to the brand. In 2017, 6.5 hectares of land were taken away from the crematorium during a trial. As Yakushin says, he did not expect that «the authorities, which did not invest a dime in the creation of the crematorium» would come out against him (Арте́мьев, 2019). Thus, he indirectly blamed the head of the local municipality for this case. Such claims, which become the basis for litigation, force new organizations either to refuse to enter this institutional environment, or to start conforming to the myths that exist in this environment. Informal pressure in the case of the same crematorium manifested itself in the poisoning by Yakushin's competitors of one of the horses at the disposal of the crematorium.

On the one hand, we can consider this as coercive isomorphism, which can manifest itself precisely in the form of formal and informal pressure from the state or other organizations (DiMaggio & Powell, 2015) and involves an attempt by «cemeteries» to motivate private crematoria to accept institutional rules and fit into existing structure (DiMaggio & Powell, 2015).

On the other hand, these same cases can be considered as sanctions, since «when the transgression of a norm brings the application of sanctions, it reinforces the validity of the norm that was transgressed» (Hensel & Guérard, 2019, p. 5). In this case, norms are understood as institutional rules. However,

it should be understood that, in contrast to the logic of Hensel & Guérard (2019), in this case, the sanctions are not as a reaction to the violation of the norm by the exposed organization, but as a means of exposure itself. In turn, the involvement of existing crematoria in litigation deprives them of good faith in the eyes of consumers, and, accordingly, new organizations that are isomorphic to them.

In addition, the emergence of a competitor on the market with a more transparent system that is easier to assess and verify for organizations such as «cemeteries» means increased attention, evaluation, and control of their own activities in the context of comparing the effectiveness of the two structures. In turn, institutional organizations try to «protect their formal structures from evaluation on the basis of technical performance: inspection, evaluation, and control of activities are minimized» (Meyer & Rowan, 1977, p. 357), as this can reveal real inefficiencies. organizations. Most of the internal and external interactions of funeral organizations take place at an informal level, for example, in Russia there are about 600,000 cemeteries, and «from 50 to 90 percent of them are not registered anywhere or are on private land» (Елифанов, 2020). In other words, the appearance of an organization with a formal service tracking system violates the institutional rules of the «pohoronka». In this way, “cemeteries” try to minimize any chance of integration and prevent private crematoria from acquiring legitimacy.

According to the expert, in the event of an increase in the number of crematoria in Russia, cemeteries will not withstand any competition with them (Елифанов, 2020). In this regard, «cemeteries» establish such institutional rules, in the structure of which it will be impossible for private crematoria to integrate, despite the existence of a law that does not prohibit their construction.

Thus, we have considered some of the reasons preventing the full-scale entry of private crematoria into the organizational field of «pohoronka». We have seen that this is based on the reluctance of members of the field, namely competitors and the state itself, to endow new organizations with legitimacy and admit them to the market because they do not comply with institutional rules. Nevertheless, it can be said that this work is rather a proposal for a larger and more in-depth study, in which more attention would be paid to the study of differences in ideas about the institutional rules of the funeral industry between consumers and other participants in the field of «pohoronka». In addition, we can assume that there are marked differences between the institutional rules of the white and black parts of the funeral market economy.

References

- DiMaggio, P., & Powell, W. (2015). The iron cage revisited institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *Economics Meets Sociology in Strategic Management*, 143–166.
- Hensel, P. G., & Guérard, S. (2019). The institutional consequences of decoupling exposure. *Strategic Organization*, 00(0), 1–20.
- Meyer, J., & Rowan, B. (1977). Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony. *American Journal of Sociology*, 83(2), 340–363.
- Walter, T. (2005). Three ways to arrange a funeral: Mortuary variation in the modern West. *Mortality*, 10(3), 173–192.
- Антонов, С. (2023, Февраль 2023). Как умирают в России: что статистика знает о смерти. Тинькофф Журнал. First published in 2020. <https://journal.tinkoff.ru/mortality-stat/>
- Артемьев, А. (2019, Июнь 24). Сергей Якушин, «Новосибирский крематорий»: «Похоронная отрасль позволила себя втянуть в криминальный бизнес». Реальное время. <https://realnoevremya.ru/articles/142813-intervyu-osnovatelya-pervogo-v-rossii-chastnogo-krematoriya>
- Гурьянов, С. (2022, Апрель 9). Ритуальная реальность: как будут хоронить в России. Известия. <https://iz.ru/1315984/sergei-gurianov/ritualnaia-realnost-kak-budut-khoronit-v-rossii>
- Епифанов, К. (2020, Октябрь 21). После прочтения сжечь: как крематории спасли Россию во время пандемии коронавируса. Октагон. https://octagon.media/istorii/posle_prochteniya_szhech_kak_krematorii_spasli_rossiyu_vo_vremya_pandemii_koronavirusa.html
- Касс, А. (2021, Ноябрь 3). «Это выгодно»: предприниматели бросились строить крематории по всей России. NEWS. <https://news.ru/society/eto-vygodno-predprinimateli-brosilis-stroit-krematorii-po-vsej-rossii/>

Мохов, С. (2017). Похоронная индустрия: роль инфраструктуры в создании национальных моделей. Социологический журнал, 23(4), 51–68.
<https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5528>

О погребении и похоронном деле, №8-ФЗ (1996). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «POHORONKA: INCORPORATION OF PRIVATE CREMATORIA IN THE OR- GANIZATIONAL FIELD OF THE RUSSIAN INDUSTRY OF DEATH»

*Маркин Максим Евгеньевич**

Рецензируемое эссе написано на стыке организационных исследований и экономической социологии организаций. Автор ставит интересный проблемный вопрос о месте и включенности частных крематориев в сферу похоронных услуг в современной России. Спрос на кремацию невелик, и этот факт объясняется совокупностью экономических и социокультурных причин.

В качестве основной объяснительной рамки своей работы автор выбирает институциональный подход Д. Мейера, Б. Роуэна, П. Димаджио и У. Пауэлла, в том числе обращает внимание читателей на изоморфную механику. Текст содержит как глубокие теоретические рассуждения, так и эмпирические данные о рассматриваемом феномене. Автор демонстрирует знакомство с современными российскими исследованиями похоронной индустрии, выполненными С. Моховым.

Обсуждаемая работа выиграла бы от более тесного совмещения институционального и социокультурного подходов (к слову, как это любит делать П. Димаджио). Неслучайно автор ставит исследовательскую проблему именно на пересечении экономического и не-экономического. В этой связи полезно было бы привлечь результаты исследований В. Зелизер, которая ярко продемонстрировала сложную природу легитимации института страхования жизни в американском обществе XIX века.

С технической точки зрения, рецензируемому эссе не хватает подзаголовков, выступающих гайдом для читателей.

* Старший преподаватель факультета социальных наук НИУ ВШЭ, приглашенный преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН.

Безусловно, указанные недостатки не влияют на общее положительное впечатление от проделанной автором работы. Получившийся текст интересно читать, и он вызывает желание обсуждать рассматриваемые вопросы.

КАУЗАЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: ПОПЫТКА ВЫЙТИ ЗА ПРЕДЕЛЫ НАРОДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Олег Никешин*

mss1901043@universitas.ru

Философия социальных наук — это раздел философии науки, занимающийся изучением базовых, нерелексируемых положений социальных наук (Rosenberg, 2015). Философия социальных наук пытается дать ответы на те вопросы, о которых социальные ученые не задумываются. В частности, в философии социальных наук существует спор между натуралистами и интерпретативистами (Rosenberg, 2015). Эта полемика связана с попыткой определения роли и места социальных наук среди остальных. Одна из задач социальных наук — это объяснение человеческого поведения, однако существуют разные стратегии объяснения. Натуралисты чаще всего тяготеют к каузальному объяснению социальных феноменов. Среди натуралистов считается, что социальным наукам необходимо следовать по пути развития естественных наук, а именно формулировать законы, основанные на регулярностях. В социальных науках попытки сформулировать законы не увенчались успехом. В то же время, среди интерпретативистов считается, что объяснение должно быть логическим и быть в большей степени похожим на математическое. У социальных наук, таким образом, свой собственный путь развития отличный от естественных наук. Задача

*Выпускник бакалавриата, Современная социальная теория. Работа написана на 3 курсе, дисциплина: Академическое чтение.

социальных наук, согласно интерпретативизму, — это объяснение действия на основе его интерпретации. В данной работе будет представлена попытка обоснования того, почему социальным наукам стоит пересмотреть свои стратегии объяснения в пользу каузальных.

В основе объяснения социального действия лежит народная психология. Народная психология состоит из представлений из здравого смысла, которые позволяют человеку ориентироваться в обществе, понимать других и предсказывать их действия (Rosenberg, 2015). Социальные науки в попытке объяснения человеческого поведения обращаются к понятиям из народной психологии (beliefs, desires and intentions (BID)). Поняв и проинтерпретировав желания человека, мы можем сделать вывод о том, почему он предпринял те или иные действия. Розенберг показывает, как работает объяснение действия на основании народной психологии на примере спортсменки, которая ежедневно бегаёт по 10 километров: «First, it's not just that running is good for her, it's that she believes it is. Second, she wants to do things that are good for her. Third, she believes that jogging won't prevent her from doing other things equally good for her. Doubtless there are other things she wants and believes that are "understood" in this explanation» (Rosenberg, 2015, p. 44). Такое объяснение может показаться рациональным, с точки зрения того, что причины, по которым спортсменка бегаёт каждый день установлены. Однако, можем ли мы говорить о том, что это действительно причины (causes)? Похоже, что в данном примере были идентифицированы не причины (causes), а основания действия (reasons). Основания действия действительно способны подчеркнуть мотивации или желания, которые стоят за действием, однако это необязательно причины в строгом смысле. Причина предполагает конкретное следствие, в то время как основания действия, выступающие в качестве причин, могут иметь самые разные следствия и различаться из раза в раз.

В этом состоит основная проблема попытки формулирования закона в социальных науках. Квази-закон «L», предложенный Розенбергом, не имеет предсказательной силы из-за того, что причины подменяются основаниями действия, которых может быть бесконечное количество (Rosenberg, 2015). Из этого вытекает проблема недоопределённости из философии науки (Okasha, 2016). Проблема недоопределённости родилась из спора реалистов и анти-реалистов. Реалисты считают, что научные теории должны описывать реальность, что мир существует вне зависимости от существования разумных людей, тогда как анти-реалисты считают, что

теории — это всего лишь инструменты для познания мира, а существование самого мира до некоторой степени опосредовано человеческим разумом. Важное различие в этой полемике между обозреваемым объектом и необозреваемым. Существуют необозреваемые объекты, но при этом идентифицируемые, например, электроны и кварки. Обозреваемые объекты, напротив, заметны для человеческого глаза, например, стулья. Антиреалисты считают, что научные теории состоят из фактов, основанных на наблюдаемых процессах. Таким образом, получается, что, например, утверждение о том, что газы состоят из подвижных молекул, вытекает из теории. Для того, чтобы проверить это положение необходимо выделить из теории утверждение, которое можно проверить, например, «при нагревании газы расширяются». Это обозреваемый феномен, из которого можно вывести утверждения о необозреваемом, в частности о молекулах газа. Возвращаясь к проблеме недоопределенности, можно сказать, что теория, которая исходя из наблюдения за обозреваемыми феноменами и делающая вывод о ненаблюдаемых феноменах недоопределена (Okasha, 2016). Это значит, что остается пространство для интерпретации результатов посредством других теорий.

Принимая во внимание проблему недоопределенности, теперь можно более подробно сфокусироваться на проблемах квази-закона «L». Поскольку в квази-законе используются наработки из теории действия, которая в свою очередь состоит из понятий народной психологии, то можно утверждать, что (BID) — это ненаблюдаемые объекты. Как уже говорилось, в квази-законе причины подменяются основаниями действия, которые объясняют социальные феномены. Проблема в том, что оснований у действия может быть множество, к тому же эти основания не наблюдаемые. В результате открывается возможность для множественных интерпретаций данных разными теориями. Таким образом, знание о (BID) недоступно ученым, поскольку не является обозреваемым (Okasha, 2016). Интерпретативизм, следовательно, неизбежно натывается на проблему недоопределенности в попытках объяснить человеческое поведение — логической связанности предпосылок недостаточно для появления у социальных наук предсказательной силы. Основание действия не может быть причиной, потому что описания в терминах «BID» недостаточно установления причины (Rosenberg, 2015). Описания могут различаться, следовательно, для решения этой проблемы нужно попытаться выйти за пределы «BID».

Как уже упоминалось ранее, народная психология используется для ориентирования человека в обществе. Модель «BID» используется людьми

в повседневной жизни, чтобы понимать друг друга, выстраивать ожидания от других и предсказывать действия (Morton, 2007). Кроме того, народная психология предоставляет удобный словарь для описания действий. Однако, у модели объяснения основанной на народной психологии есть некоторые проблемы. Адам Мортон предложил выделить несколько основных способностей (capacities), которыми пользуется народная психология, среди них: самосохранение, решение координационных проблем, эмоциональная контагиозность и рефлексивная рациональность. Интересно, что ни одну из этих способностей нельзя отнести к убеждению (belief), потому что они не связаны ни с предсказанием, ни с атрибуцией характеристик. К тому же эти способности могут использоваться для описания различных ситуаций. Самосохранение может применяться как для идентификации угроз со стороны людей, так и со стороны животных. Такой взгляд, следовательно не учитывает нюансов. Существует и куда более серьезная проблема языка описания народной психологии. Так, Мортоном утверждается, что отнюдь не все культуры используют «BID» для объяснения действий: «...I suspect that some people and some cultures make very little use of explicit thoughts about rationality, and some people and some cultures make a lot more use of our capacities simply to do the appropriate or cooperative thing, without producing reasons for it» (Morton, 2007, p. 4). Даже в обычной жизни часто используются разные слова для описание эмоций: стыд, вина, позор и д. р. То же касается и других слов для описания действий: думать, подозревать хотеть, предпочесть и д. р. То, что в модели народной психологии нет таких слов лишь ухудшает ее объяснительную способность. Другая проблема связана с моделью предсказания народной психологии. Мортон пишет, что она работает по следующей схеме: «...articulate folk psychological description operates courtesy of a background of possibility-eliminating factors, of potentially unlimited variety» (Morton, 2007, p. 5). Это означает, что предсказание народной психологии — это всего лишь нерефлексивный выбор наилучшего объяснения.

С учетом вышеперечисленных проблем с народной психологией есть смысл прибегнуть к альтернативным способностям. Мортон предлагает сфокусироваться тех теориях, которые предполагают существование некоторых врожденных способностей, которые позволяют понимать других (Morton, 2007). Теория симуляций предлагает частичную альтернативу народной психологии. В теории симуляции утверждается: «...one person anticipates the action of another by activating her own decision-making processes as applied not to her actual situation but that of the other person, taking

the output of this process not as a decision for herself but as a prediction about the other» (Morton, 2007, p. 8). Способность, которая задействуется в данном случае, можно назвать, как ситуативное мышление (conditional thinking). Ситуативное мышление функционирует по следующей схеме: «...one feed hypothetical inputs into one's decision making processes, and that one disconnect the output of the process from actual action» (Morton, 2007, p. 8). Таким образом, ситуативное мышление необходимо для симуляции, за исключением того, что ввод (input) собственной гипотетической ситуации должен быть заменен на другую ситуацию: настоящую или гипотетическую. Для демонстрации работы данной теории автор приводит пример: представим, что перед нами препятствие, а за нами идет другой человек. Мы замечаем данное препятствие и обходим его, немного свернув с дороги. Скорее всего то же самое сделает и другой человек, даже не осознав этого. Другой способностью является принятие перспективы (perspective taking). Оно отсылает главным образом к способности человека отслеживать взгляды других. Ребенок, который еще не знает слов, наблюдает за тем, куда родитель смотрит во время разговора. Данная способность усложняется с возрастом – впоследствии ребенок научится «видеть глазами других». Такая способность «включается», когда, например, нам очень хочется избежать встречи с человеком. Мы примерно представляем, как думает тот человек и потому знаем примерно куда он пойдет.

Таким образом, перечисленные способности обладают большим ресурсом для предсказания, чем народная психология. Невербальные способности, которые предложил Мортон в качестве альтернативы народной психологии, оказываются более фундаментальными. Другими словами, механизмы ситуативного мышления и принятия перспективы не ограничены рамками западной культуры. Такой взгляд продуктивен для решения проблемы недоопределенности. Врожденные способности – это наблюдаемые вещи, которые можно изучать, как показывает Мортон. Интерпретативисты часто уповают на то, что народная психология работает, потому что позволяет делать предсказания на уровне здравого смысла (Turner, 2018). Однако, как мне удалось показать с опорой на Мортон, предсказания народной психологии – это не предсказания, а выбор наилучшего объяснения из множества возможных. Отказ от народной психологии – это первый шаг, который должны сделать социальные ученые на пути к каузальной науке.

Библиография

- Morton, A. (2007). Folk Psychology Does not Exist. In Hutto, D.D., Ratcliffe, M. (Eds.), *Folk Psychology Re-Assessed* (pp. 211–221). Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5558-4_12
- Okasha, S. (2016). *Philosophy of Science: A Very Short Introduction* (2nd ed.). Oxford University Press.
- Rosenberg, A. (2015). *Philosophy of Social Science* (5th ed.). Routledge.
- Turner, S. P. (2018). *Cognitive Science and the Social: A Primer* (1st ed.). Routledge.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «КАУЗАЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: ПОПЫТКА ВЫЙТИ ЗА ПРЕ- ДЕЛЫ НАРОДНОЙ ПСИХОЛОГИИ»

Волошин Михаил Юрьевич*

Текст, предложенный мне для рецензии, с трудом собирается в единое, цельное и ясное повествование. Вероятно, отчасти это связано с тем, что целый ряд рассуждений, которые автору кажутся естественными и непосредственными, не были поэтому с достаточной тщательностью прописаны. За ходом мысли автора сложно следить, хотя очевидно, что этот «ход» присутствует. Это общее замечание о тексте, дальнейшие замечания распадаются на ряд сравнительно независимых пунктов-«претензий»:

1. Автор с порога заявляет, что философия социальных наук занимается «нерефлексируемыми» положениями этих самых наук. В общем виде это верно: философия науки вообще, как и отдельные «философии» отдельных наук, занимаются теми вопросами, которые связаны с основаниями этих самых наук и потому не могут быть решены ученым «изнутри». Но при этом широко известно специфическое положение социально-гуманитарных наук, в которых ученые регулярно заняты пересмотром собственных оснований. Был ли Бурдье социологом или скорее «философом социологии»? Вероятно, правильный ответ — в разных работах по-разному. В общем, нельзя сказать, что «социальные ученые не задумываются» о вопросах, о которых далее в работе идет речь.

2. Каким-то совершенно невероятным образом (не иначе как божественное вмешательство) автор, обучающийся на программе «современная социальная теория», умудрился при описании интерпретативизма полностью проигнорировать «понимающую социологию» Макса Вебера.

* Магистр философии, преподаватель философского факультета МГУ им. Ломоносова.

Мне не удалось объяснить это обстоятельство на основе предполагаемых «beliefs, desires & intentions».

3. Проблема недоопределенности не «вытекает» из проблемы существования бесконечного количества оснований действия. Она связана с более общими вопросами соотношения теоретического и эмпирического уровней научного знания. Та связь между недоопределенностью и проблемой реализма, которую разворачивает автор, возможна, но не является единственно возможной. Дело в том, что в некоторых контекстах философии (и) науки «объяснить» нечто (наблюдаемое) действительно означает указать на нечто (ненаблюдаемое), чье существование и поведение (причинно) определяет наблюдаемое. Но это не обязательно так. Процедура объяснения может состоять не в указании на гипотетический объект, а в указании на некоторый общий научный закон плюс наблюдаемые «граничные условия» (дедуктивно-номологическое объяснение). При этом теоретический закон также может оказаться недоопределенным (то есть может существовать более одного закона, объясняющего наблюдаемые явления). Способ объяснения, состоящий в постулировании ненаблюдаемой сущности, был объектом суровой критики и тщательного философского анализа на протяжении последних примерно 180 лет.

4. Само различие «причин» и «оснований действия» выглядит сомнительным. «Причина предполагает конкретное следствие» — так ли это? Это довольно узкое и искусственное представление о причинности. Допустим, я промок под дождем, потому что у меня не было зонта. Причина — «дождь» предполагает следствие — «промок» при условии, что не было причины — «зонта». Каузальность, описываемая автором, предполагает, что я промокаю каждый раз, когда на улице дождь и у меня нет зонта. Но что если у меня есть плащ-дождевик? Или если я весь день сижу в помещении и вообще не выходил на улицу? Или если я возвращался домой не пешком, а на такси? Те же причины (дождь, нет зонта) вызывают другие следствия (я не промок или промок не сильно). С точки зрения, развиваемой автором, я не могу теперь говорить о «причинности» своего промокания, а должен говорить об «основаниях действия». Сомнительно, что такое кривое представление о причинности действительно подразумевается как автором этой работы, так и теми, кто размышляет о причинных объяснениях в науке.

5. «Интерпретативизм, следовательно, неизбежно натывается на проблему недоопределенности в попытках объяснить человеческое поведение — логической связанности предпосылок недостаточно для появления у социальных наук предсказательной силы». Это действительно проблема недоопределенности, однако в общем виде «логической связанности предпосылок» всегда недостаточно, и социальные науки с их интерпретативизмом вовсе не находятся тут в особом положении (с каузальными объяснениями было бы то же самое).

6. В рассуждениях о Мортоне, как мне кажется, произошла подмена тезиса. Вопрос о том, как методологически правильно следует объяснять поведение людей, сменился вопросом о том, как люди фактически объясняют поведение других людей. В частности, рассуждения о «теории симуляций» в явном виде отвечают на второй вопрос, но по существу ничего не сказано о том, может ли достаточно методологически строгое использование механизма понимания (что «народной психологии», что «теории симуляций») работать в социальных науках. Из того, что человеку удастся некоторым способом решать гносеологическую задачу, не следует ни эффективности, ни «научности», ни тем более большей «каузальности» этого способа для социальных наук.

7. (Для иллюстрации предыдущего комментария): Представим себе, что я простудился и лечу свою простуду чаем с малиной («народная психология»). Ко мне приходит друг и говорит, что точно в такой же ситуации (отдельный вопрос, что значит для ситуации быть «такой же») ему помогла адская смесь из горячего кофе и коньяка. Я выпиваю эту адскую смесь (симулирую поведение другого), и моя простуда действительно проходит.

Вопрос: каковы следствия этой ситуации для научной доказательной медицины? На мой взгляд, никаких следствий. Мне непонятно, почему описанные Мортоном ситуации понимания, в таком случае, имеют отношение к вопросу о методологии объяснения в социальных науках.

8. Последнее мелкое замечание: observable — это все-таки «наблюдаемый», а не «обозреваемый». Режет глаз и звучит как калька.

Положительные замечания относительно работы:

1. Мне кажется очень интересной и продуктивной сама постановка вопроса — выяснить, как концепты из "народной психологии" укоренены

в способах социологического объяснения. На мой взгляд, тут полно интересного, что можно исследовать.

2. Хорошо, что автор ориентируется на современную обобщающую литературу по теме, Розенберг и Окаша — действительно хорошие, релевантные источники по философии науки. Насчет Мортон и Тернера не могу сказать.

3. Автор косвенно затронул проблему реализма/антиреализма (онтологического статуса ненаблюдаемых объектов). Дискуссии реалистов и антиреалистов редко ведутся на материале социальных наук, поэтому заход автора в эту сторону интересен и перспективен.

4. Автор достаточно хорошо владеет научным стилем изложения, текст читается приятно.

A СУДЬИ КТО: HOW EQUALITY IS RESTORED BETWEEN HUMANS AND NON-HUMANS IN THE COURTROOM

Екатерина Нойкина*

mss1901005@universitas.ru

In modern legal practice, experts adhere to the consensus that only humans can be considered subjects of law. Nevertheless, there are discussions among legal scholars regarding the legal status of embryos, animals, future generations, and others, moving into the language of actor-network theorists, non-humans. In the essay, I would like to consider how the inequality of humans and non-humans is problematized through legal practices, as well as what measures are taken to eliminate it directly by the entities of these relationships.

As empirical material, I plan to confine myself to consideration of cases in which animals were one of the parties of the process. We will analyze trials from the Middle Ages to the best of our available sources, and then turn to more recent cases to show the differences in networks and the factors on which assembly success depended.

In the book by Kantorovich (2023) «Medieval witch trials. Animal trials» considers the following plot¹ (p. 181). In 1522–1530 in the Bishopric of Autun,

* Выпускница бакалавриата, Современная социальная теория. Работа написана на 3 курсе, дисциплина: Sociology of Power and Inequality.

¹ Some sources consider this case is a fiction, others argue about the accuracy of the facts, but the veracity of this particular story is not particularly important for us. The story about mice, rats and Barthelmy Chassanee is fairly standard and similar to other well-known animal trial stories, but perhaps one of the most famous and previously familiar to the reader.

France, the population of rodents has grown significantly¹. Mice and rats devastated the fields, which threatened the inhabitants of the bishopric with famine. A petition was submitted to the spiritual court for the excommunication of mice (excommunication from the church). Such an action was not unusual in the Middle Ages, because during this period animals were often brought to trial in civil and criminal cases and sentences were passed, from penance to executions). Animals surprisingly did not appear at the trial. The court appointed an official defense counsel for the mice, lawyer Barthelemy Chassanee, who said his clients were not properly notified of the appearance. The court made a second announcement «through the pulpits of each parish» (Канторович, 2023, p. 181), but the mice and rats did not appear the second time either. Then the defender pointed out the difficulties of the mouse path and the presence of many of their enemies «cats, which, having learned about their summons to court, guard them on all paths» (Канторович, 2023, p. 181). And when the delays were no longer accepted by the court, the defense turned to «reasons of humanity and justice» (Канторович, 2023, p. 181), stating that there was no collective guilt, mouse children should not be responsible for the sins of their fathers, and in general the case should be closed.

What happened next, history is silent, however, even this fragment seems extremely interesting for analysis. We have an anthropocentric and religious Europe, whose inhabitants are subject to magical thinking, and the authorities judge animals in critical situations. In the following, we turn to the conceptual framework of the sociology of translation, so we will already now use the principle of agnosticism and take the view of entities on the courts of animals. Animals were sometimes considered minions of the devil, or the devil in someone else's shoes (Канторович, 2023, pp. 174, 177–178); sometimes unresolved situations that threatened public safety required at least some action from the government, even if after the end of penance, the caterpillars did not stop eating grapes (Канторович, 2023, p. 178); sometimes vengeance or gain led the appeal to the court (Канторович, 2023, pp. 176–177). These actions were largely ritual in nature, but at the same time all entities continued to strictly follow the letter of the law and considered it important that «criminal will» be condemned (Канторович, 2023, p. 174). Durkheim's conceptual framework would undoubtedly have good heuristic strength here. Since it is difficult to understand the «real» motives of the entities in each of the cases from the surviving sources,

¹ The story is repeated in a number of other review books from earlier years, for example, Evans, E. P. (1906). *The criminal prosecution and capital punishment of animals*. w. Heinemann.

we will rely on the descriptions of the social and natural world that they resorted to during their court appearances.

Returning to the mouse trial, we can see here an interesting attempt at «assembling» agents. An accusation brought against an animal, thanks to the support of a representative of state power, a judicial prosecutor, and a defender becomes a problematization. Problematization in this case becomes possible only in the courthouse, when the case is accepted for consideration, and the prosecutor translates it into legal language, transferring the whole problem to another plane, to the field of law. And something atypical for Callon happens, the accuser and the defender, who in this role are much closer to the world of law and court than to the inhabitants of the bishopric or mice, represent these entities, citizens and mice. The accuser and defender, as scientists in the department are engaged in the production of knowledge (Callon, 1984, p. 203), attracting and identifying entities involved in the network (Callon, 1984, p. 206), describing their desires, constructing a network of relationships, «share the rights to extend, re-open or close the discussion» (Latour, 2010, p. 205). Latour, in «The Making of Law», devotes an entire chapter to the similarities between laboratory and court (Latour, 2010, pp. 198–244).

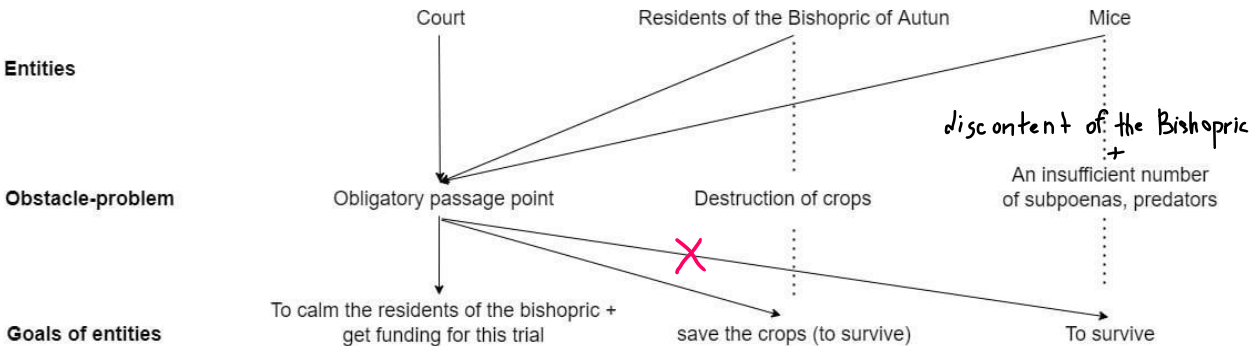

Figure 1¹.

It seems that an interesting network of entities is obtained, but the common sense of a person living in the 21st century tells us that such a trial is meaningless and, apart from a short-term effervescence, satisfaction of a sense of revenge and emotional release, does not lead to real results. First, because the network breaks down at the stage of animal representation. There

¹ For help with the creation of illustrations, I express my gratitude to Toporkov Stas, who did not have time to write his own essay.

is no «voting» described in Callon's text, they try to include animals in the assembly forcibly, but there is no real interest. This is largely the result of the inequality of people and non-humans, to which this essay is devoted, the judicial system considers the interests of some and does not see others. Even their defender cannot fully represent the entities.

In the history of medieval lawsuits there was an example of a more successful assembly, first described in the article *De L'Origine De La Forme Et De L'Esprit Des Jugements Rendus Au Moyen-Age: Contre Les Animaux* (1846), fragments of which were then translated for Kantorovich's book (Канторович, 2023, pp. 183–190). This dispute can be called more progressive than the previous one, it took place in 1587 near the city of Saint-Jean-de-Maurienne in France. Green bugs, called amblevins in France, attacked the vineyards for which the community of Saint-Julien was famous, the syndics petitioned the vicar general. At the first hearings of the diocesan court, there was a very exciting debate, which allows us to follow the entities and see what categories they themselves offer to describe reality. Insect advocate Antoine Feliol was very good and convinced the townspeople that although «...common sense teaches us that animals such as amblevins cannot be formally invited to court and that no disciplinary punishment» (Канторович, 2023, p. 186), God created people and animals equal in the issue of nature management «Here I gave you the plants of the earth, let them serve you as food and feed for animals» (Канторович, 2023, p. 186). Consequently, only the laws of nature have power over insects, within the framework of these natural laws, animals could not violate anything, and therefore «any church measures are inapplicable here». The syndics of Saint-Julien were impressed by the arguments given by the defense and offered, in exchange for the departure of the bugs from the Saint-Julien vineyards, to cede to the insects a piece of land suitable for their existence with which the monsieur prosecutor and monsieur lawyer will be pleased: this piece of land contains various types of forest, plants and foliage, so, by the way, cherry oak and other trees and shrubs, not counting the grass and other pastures in sufficient quantities.... (Канторович, 2023, p. 188–189)

It followed from the minutes of the Saint-Julien meeting that the area allotted was very suitable for feeding the accused insects, thus, the accuser was able to link the interests of the insects with the trial. History is silent about how the hearing ended, only a fragment of the decision has come down to us, according to which «before the verdict, the official appointed an expert to investigate the condition of the mentioned site» (Канторович, 2023, p. 190). And although, perhaps, there was no further attraction of entities and we do not know

whether the caterpillars moved to the territory allocated to them, whether the diocese had the technical capabilities to carry out such a movement of entities and check the results of the «vote», whether the bugs will take root in the new territory, whether they will return they are on the old, this network of relationships already had a better chance of success. Now the problematization captured the interests of non-humans and showed that their interests related to the proposed discussion. We see that the bugs can «vote», the expert can conduct a study of their interests and help with interestment.

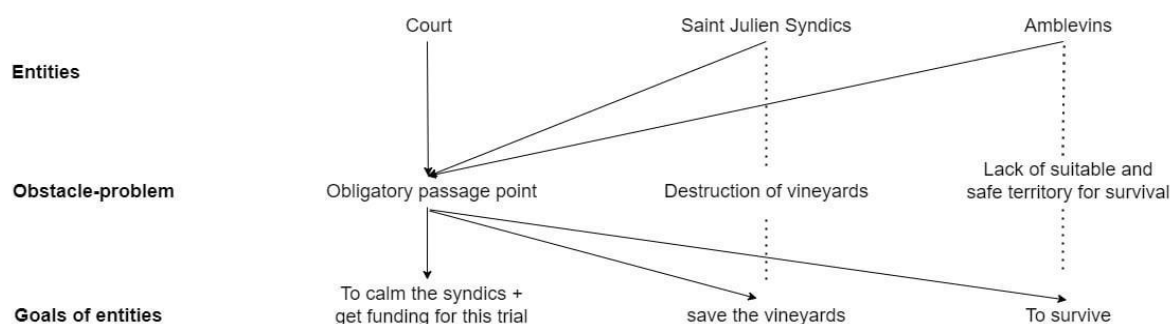

Figure 2.

The third example we can take from the present. In it, animals are the side of the accusation. This is the popular story of Happy the Elephant at the Bronx Zoo (Chan, 2021). All her relatives who lived in the zoo died out, and she was left alone in the enclosure. As a study published in the journal PLOS One showed, elephants are terribly social animals that need to communicate with their relatives. «...social variables were important predictors of three of four behavioral indicators of elephant welfare – daytime stereotypic behavior, nighttime stereotypic behavior and walking distances – and were a risk factor for hyperprolactinemia, an endocrine system dysfunction» (Meehan et al., 2016). The zoo could not create the necessary conditions for the elephant, and for almost 20 years she had to live alone. Taking advantage of these facts, human rights activists of the Nonhuman Rights Project, on behalf of the elephant, filed a lawsuit in court in the case of habeas corpus¹. In 2022, the New York Court of Appeals,

¹«A petition for habeas corpus asks that a court order the custodian of a prisoner to bring the prisoner to court, to determine if the prisoner's detention is lawful» (Larson, 2016).

the state's highest court, will hear the first argument ever made in the nation that such protection should be extended to an animal.

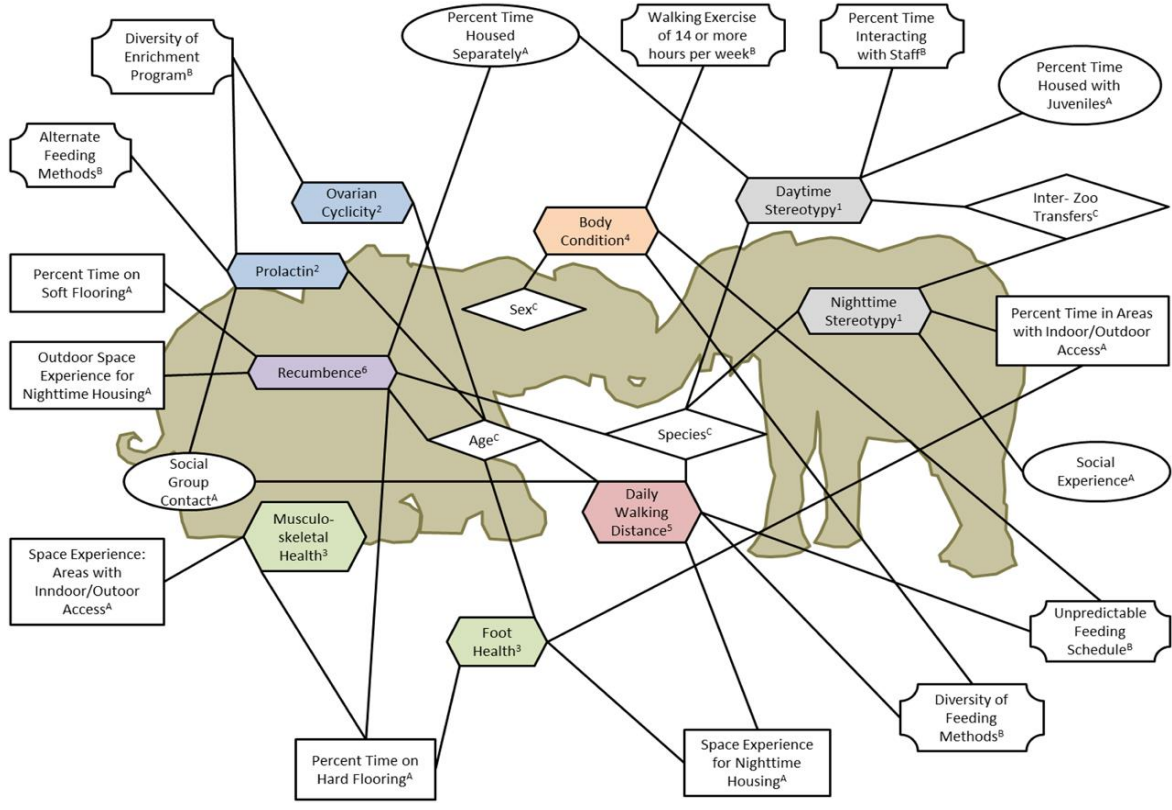

Figure 3.

The diagram from the article «Determining Connections between the Daily Lives of Zoo Elephants and Their Welfare: An Epidemiological Approach» (Meehan et al., 2016), which shows the connection between the social factors and some parameters of the physical well-being of an elephant.

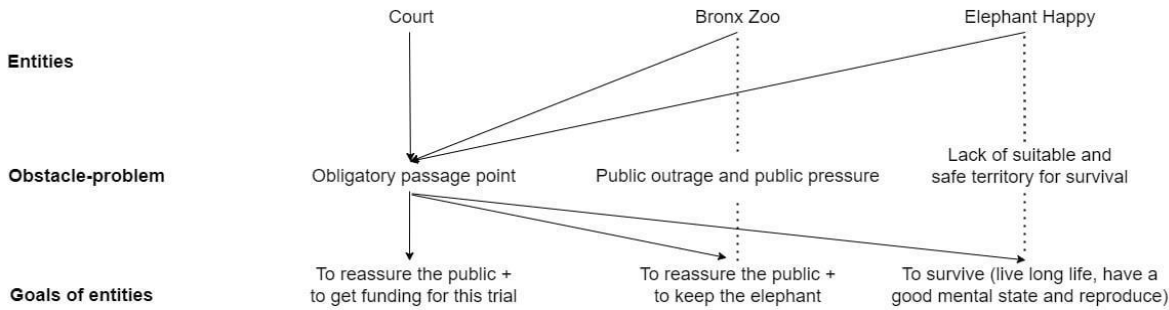

Figure 4.

In this case, we can see that the build is more efficient. Through the observations of scientists who are attracted by the defense side (they could also

be added to the scheme, making it more complete), it turns out to take into account the interests of the elephant. Moreover, over a long period of time, as in the story with scallops, we will be able to trace whether the attraction of the animal to the assemblage turned out to be effective. Conventionally, in Callon's example, the voting process occurs if an animal refuses to breed and maintain a population in the old conditions and resumes reproductive processes in new ones (Callon, 1984, p. 215). Thus, if the lawsuit is successful and the elephant is transferred to the reserve, then we can see the result of the mobilization of entities (or otherwise, if the psychological state of the elephant does not improve, the description of reality proposed by human rights activists and scientists will begin to waver, and the network will probably crumble).

Thus, we are doing a very strange thing and are trying to find equality between humans and non-humans «from the opposite». If all the conditions of an assemblage are created, the interests of all its participants are considered, and the assemblage does not crumble, therefore, the ontological equality of all entities within it is observed. Because otherwise the assembly would not have happened. In doing so, we adhere to the principle that the optics of the sociology of translation is no more legitimate than any other, but through its design and focus on changes in power relations (Callon, 1984, p. 201), it makes it possible to distinguish distributions of power and inequalities in the network. In the case of the courts, in all examples we have entities who force other entities to obey themselves because of a complex network of relationships, but in the last example they are closest to the state of equality within the network, their interests equally matter and are represented by representatives. Conventionally, if we see an object through optics, an important component of which is the principle of free binding, and we see that everything is «collected» in this optics, then we are looking at an object suitable for it.

References

- Callon, M. (1984). Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay. *The Sociological Review*, 32(1), 196–233. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1984.tb00113.x>
- Chan, M. (2021, October 21). In a Legal First, a Court Will Decide if an Elephant Deserves the Same Rights as a Person. *Time*. <https://time.com/6107549/happy-elephant-lawsuit-bronx-zoo/>

- Evans, E. P. (1906). *The criminal prosecution and capital punishment of animals*. William Heinemann.
- Larson, A. (2016, August 24). What is Habeas Corpus. ExpertLaw. Retrieved April 18, 2022.
- Latour, B. (2010). *The making of law: An ethnography of the Conseil d'Etat*. Polity.
- Meehan, C. L., Mench, J. A., Carlstead, K., & Hogan, J. N. (2016). Determining connections between the daily lives of zoo elephants and their welfare: an epidemiological approach. *PLoS One*, 11(7), e0158124. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0158124>
- Канторович, Я. А. (2023). *Средневековые процессы над ведьмами. Процессы над животными*. Издательство Юрайт.

РЕЦЕНЗИИ К ЭССЕ «А СУДЬИ КТО: HOW EQUALITY IS RE- STORED BETWEEN HUMANS AND NON- HUMANS IN THE COURTROOM»

*Бродский Владимир Игоревич**

The most significant benefit of the essay is the problem around which the author builds it up. The question of non-humans' legal status is relevant to the current academic discourse and is open to interdisciplinary approach that can combine sociological, ethical, and legal consideration. The author realizes this potential by using historical and sociological materials and by appealing to modern legal cases. The «narrative» of the essay is thrilling, it catches a reader's attention. The tables used in the essay are informative, demonstrative and complement the text in a good way.

The author successfully combines reliance on the theoretical sources with application to the relevant documents that appear in legal practice. The benefit of the practical aspect is the author's choice to work both with the cases that took place in the Middle Ages and the recent ones. It shows that the idea of animal rights is not as modern as it might seem to be (although the medieval mice that «surprisingly did not appear at the trial» were in the role of accused, the were provided with a defender who insisted on their right to be «properly notified»). However, the theoretical side contains a few problems. The author states that he or she believes that «Durkheim's conceptual framework» could be applied to the considered cases in a promising way but doesn't properly explain this statement. A reader might find this link not that obvious and definitely needs a more developed explanation than the one in the essay.

The author's reference to Latour enriches the theoretical side with a good point on «similarities between laboratory and court». Nevertheless, Latour's theoretical framework begs for heavier employment in the context of the essay. The work could significantly benefit from reliance on Latour's Politics of Nature

* MA in Philosophy (Leiden University, the Netherlands), Senior Lecturer at the Institute for Social Sciences, RANEPА and the Faculty of Social Sciences, MSSES.

because it directly questions the conditions that could provide non-humans with a full-fledged voice. Although the main argument of this work is political, one might argue that the mechanisms of representation that are developed by Latour in *Politics of Nature* can be transferred to the legal field. The author uses Callon as the representative of the approach according to which scientists are seen as the operators of the non-humans' interest, but Latour as the author of *Politics of Nature* could make the argument stronger and more developed.

The conclusions made by the author are coherent and fruitful. He or she justly states that the considered problem is complex, and that even though humans and non-humans might be considered as actors within a single network, it doesn't automatically provide the latter with the equal rights – even under these conditions «we have actors who force other actors to obey»). This statement paves the way for further research focused on the internal organization of sustainable and egalitarian courts.

Никулин Александр Михайлович*

Это эссе посвящено проблеме изучения поисков равенства между человеческим и животным миром в описаниях соответствующих практик средневековых и современных судебных процессов с применением аналитического аппарата некоторых работ акторно-сетевых теоретиков.

Данная работа носит чрезвычайно актуальный характер, связанный с проблематикой взаимодействия людей и природы, представляя собой увлекательное рассмотрение ярких людских-животных юридических парадоксов с повседневно человеческой, религиозной акторно-сетевой точкой зрения.

Главный недостаток эссе — это его чрезвычайная краткость. Вопрос, поставленный в центр эссе о так называемом правовом равенстве людей и животных столь фундаментален, что требует для своего раскрытия написания объемной монографии с обращением не только к некоторым постулатам христианства и основам акторно-сетевых моделей, но также, по крайней мере, к мировоззрению всех мировых религий, а также сочинениям сторонников благоговения перед жизнью круга Льва Толстого и Альберта Швейцера.

В эссе смущает несколько прямой, «внеисторический» переход от рассмотрения средневековых примеров к их интерпретации через современную акторно-сетевую теорию. Для более глубокого и аккуратного раскрытия темы здесь требуется аналитическая работа, связанная с интерпретацией прежде всего методологического взаимодействия исторической Школы «Анналов» с социологической акторно-сетевой теорией. Из работ собственно акторно-сетевых теоретиков, пожалуй, следовало бы дополнительно использовать идеи книги Бруно Латура «Пастер: Война и мир микробов с приложением «Несводимого».

Но все эти рекомендации и замечания лишь на будущее, если автор эссе захочет продолжить изучение затронутой им столь животрепещущей проблемы. В том виде как есть эссе вполне представляет собой оригинально-парадоксальный текст о животнo-человечьей «квинтэссенции» достойный для публикации в одноименном журнале.

* Кандидат экономических наук, магистр социологии, директор Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН.

МЕЖДУ СТРОК

ТАКТИКИ СОПРОТИВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОГРАНИЧЕНИЯМ МЕДИА В РОССИИ

Андрей Леванов*

mss1901004@universitas.ru

В последние лет пять российские медиа (а с какого-то момента уже и отдельные журналисты) становятся объектом все большего числа законодательных ограничений, прямых и косвенных, со стороны государства. В это время постепенно вводились, ужесточались и расширялись «законы об иностранных агентах», «о нежелательных организациях», «о фейках», которым, как и всем часто обсуждаемым законам, придумали емкие и говорящие названия. Все они активно применяются для контроля и усложнения работы медиа в России. В свою очередь медиа изобретают множество способов сглаживания и нивелирования последствий этих ограничений, формально соблюдая все предписания.

Между правилом и практикой следования правилу всегда существует некоторый зазор. Этот зазор заключается в том, что одного лишь самого правила зачастую оказывается формально недостаточно для того, чтобы успешно ему следовать. Всегда необходим целый перечень дополнительных уточнений, например, того, в каких случаях правило должно применяться, а в каких — нет. Более того, этот перечень оказывается потенциально бесконечным, поскольку всякий раз можно представить новую ситу-

* Выпускник бакалавриата, Современная социальная теория. Работа написана на 3 курсе, дисциплина: Sociology of Power and Inequality.

ацию, не подпадающую под существующие предписания и требующую дополнения этого перечня, не говоря уже о том, что сами по себе эти уточнения также являются правилами и требуют правил по их применению. В результате этого мысленного эксперимента мы оказываемся в ситуации, когда невозможно сформулировать правило, исчерпывающее все затруднения в его применении (Волков & Хархордин, 2008). Это один из вариантов интерпретации парадокса следования правилу, сформулированного Людвигом Витгенштейном.

Французский философ Мишель де Серто (2013) во многом разворачивает свою теорию в этом самом зазоре между правилом и его применением. Он политизирует этот зазор, привносит в него отношения власти (правила устанавливают, конечно же, сильные — чтобы слабые их соблюдали) (Волков & Хархордин, 2008). И этот зазор становится в его концепции возможностью слабых что-то противопоставить сильным, как-то сопротивляться их власти навязывать свой порядок. Благодаря этому зазору доминируемые становятся активными творческими участниками отношений, они обретают свою субъектность в манипулировании возможностями, предоставляемыми этим зазором.

В модели де Серто сильный, «субъект, обладающий волей и властью» (Серто, 2013, р. 50), опирается на место, фиксируя и присваивая себе определенную часть пространства, для установления собственного порядка. Такой способ действия в различении де Серто называется стратегией.

Ей противопоставляется тактика — способ действия слабых, который в этой паре оказывается связан с категорией времени. Тактика принципиально отличается по своей сути: у доминируемого нет пространства, которое он может назвать своим. Территория, на которой действует слабый, по определению чужда ему, поэтому он не может опереться на него. То, что доступно ему и против чего всегда направлены усилия сильного, это время. Он использует в этом противостоянии любые подворачивающиеся возможности, которые предоставляет момент, и разворачивает свое сопротивление в лакунах порядка сильного, не вступая в прямое столкновение с ним, заведомо проигрышное. Как показывает парадокс Витгенштейна, наличие правила еще не означает его соблюдение в соответствии с замыслом его вводящего.

Так, существует, например, закон о СМИ-иноагентах. Эта стратегия развертывалась государством поэтапно. На данный момент статус СМИ-

иноагента может быть присвоен организации или физическому лицу. Формально этот статус должен означать, что СМИ получает финансирование из-за рубежа. На практике все оказывается сложнее.¹

Введение реестров иностранных агентов и нежелательных организаций выступает ярким примером того, как государство пытается оснаститься «органами зрения» для видения, различения, установления идентичности, учета тех медиа (не только их, но в нашем случае речь о медиа), которых государство воспринимает как врагов (Волков & Хархордин, 2008, р. 203).² Одной из обязанностей, накладываемых статусом, является подробная финансовая отчетность о всех расходах. Для организаций-иноагентов требования финансовой отчетности становятся более строгими, но что более важно, такую же отчетность обязаны вести и физические лица с этим статусом. Личная жизнь человека в этих условиях становится абсолютно прозрачной для государства. Кроме того, на задачу идентификации «врагов» работает и маркировка большими буквами, состоящая из 24 слов, которой нужно сопровождать все материалы и сообщения.

Если в случае с внесением в реестр физического лица от идентичности уже никуда не деться, то в случае с организацией — такое возможно, чем тактически и пользовались некоторые журналисты. Так, сотрудники издания VTimes* после присвоения администратору его сайта vtimes.io статуса иноагента закрыли его и через несколько месяцев открыли другое издание под названием VPost. Мобильность и гибкая организация в модели Мишеля де Серто всегда являются оружием слабых, их тактическим преимуществом (Волков & Хархордин, 2008, р. 199–200). В логике тактики они не могут опереться на место, зафиксироваться в пространстве, поэтому вынуждены быть подвижными.

¹ В этом смысле действия самих государственных акторов можно рассматривать как тактические в смысле используемого нами различения. При введении новых норм законодательства в них словно намеренно закладываются широкие возможности «браконьерства», непрямого, нецелевого использования этих норм против тех, кого государство расценивает как врагов, возможности таких способов и употребления, которые формально полностью остаются в рамках нормы, но в действительности сильно отличаются от заявленных при их введении целей.

Понятия «сильного» и «слабого» у де Серто определяются через способ действия (стратегия или тактика), а не наоборот (Волков & Хархордин, 2008, р. 197). Не получается ли тогда, что в некоторых случаях именно государство в этом противостоянии с медиа оказывается в позиции «слабого»?

² И это прямо декларируется представителями государства. Например, В. Путин: «Вообще в этом весь смысл закона, насколько я понимаю автора, ведь этот закон ничего не запрещает, этот закон не запретительный. Он ничего не запрещает. Его цель как раз сделать эту деятельность, особенно деятельность по финансированию тех организаций, которые занимаются политической деятельностью на территории Российской Федерации, прозрачной» <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15913>.

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

Другим тактическим ответом российских медиа стала стихийная кампания по символическому переосмыслению статуса «иностранный агент» — сопротивлению и изменению негативных символических значений, заложенных в этом статусе.¹ При упоминании материалов СМИ-иноагентов для указания на их «иноагентский» статус стали использоваться формулировки (которые в этом случае строго не регламентированы) с косвенным указанием на статус и акцентом на его формальности (не, например, «является иностранным агентом», а «внесено Минюстом в список СМИ, выполняющих функцию иностранного агента»), озвучиванием текста маркировки для вставки в видеоматериалы известными людьми и т.п. Издание «Медуза»* выпустила мерч с надписями «иностранный агент», текстом маркировки сообщений из 24 слов «Данное сообщение...». Была даже попытка зарегистрировать в качестве бренда слово «иноагент» и текст маркировки. Все это попытка активно работать с навязываемым господствующим порядком материалом и не просто пассивно потреблять, но активно изготавливать (*fabrique*) какие-то смыслы в процессе потребления через переопределение способов использования продукта, который им навязывается.

Таким же образом, меняя способ использования навязываемого статуса и связанных с ним ограничений, они разворачивали эти ограничения против акторов, представляющих господствующий порядок, и пытались бороться с ними их же оружием.

Среди прочего закон также обязывает физических лиц, признанных СМИ-иноагентами, открывать юридические лица и отчитываться о финансах от его имени. Это также связано с усложнением ведения дел и дополнительными затратами. Некоторые журналисты стали объединяться и открывать одно совместное ООО на всех (поскольку законом это не запрещается), снижая таким образом издержки, связанные с обслуживанием юридического лица. Например, созданное таким образом ООО «Ромашки монолит»* объединяет пять журналистов-физлиц, признанных СМИ-иноагентами.

¹ О наличии таких негативных коннотаций упоминается в докладе ОВД-инфо (Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента) <https://inoteka.io/ino/sozdano-i-ili-rasprostraneno#2>.

В этом докладе авторы также ссылаются на результаты опросов «Левада-центра» (Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента), свидетельствующие о негативном восприятии формулировки «иностранный агент».

<https://www.levada.ru/2017/02/07/zakon-o-nekommercheskih-organizatsiyah/>.

* Признан Министерством юстиции РФ нежелательной организацией.

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

В этом смысле стоит также упомянуть, что даже сами названия регистрируемых юридических лиц становятся инструментами пассивного сопротивления, в которых обыгрывается статус иноагента и комичность требований. Если зайти на сайт Минюста и открыть реестр СМИ-иноагентов, то, среди прочих, один за другим в этом официальном списке можно увидеть такие названия: ООО «Ромашки монолит», ООО «Главный редактор 2021»*, ООО «Важные иноагенты»*, ООО «ЖУРНАЛИСТ-ИНОСТРАННЫЙ АГЕНТ»*, ООО «Как бы инагент»*, ООО «Данное сообщение»*, ООО «Номер семьдесят семь»* (создан Андреем Захаровым*, который находится в реестре в качестве физлица под номером 77), ООО «Новогодний выпуск»* (создан Иваном Беляевым*, которого добавили в реестр в качестве физлица 30.12.2021).

Похожий набор тактик используется журналистами и медиаорганизациями для реагирования на закон о нежелательных организациях. Этот закон гораздо строже предыдущего, поскольку в отличие от первого (который хоть и ограничительный и значительно усложняющий жизнь) является напрямую запретительным. За руководство организацией, признанной нежелательной, или даже просто за участие в ее деятельности грозит уголовная ответственность. Фактически эти организации принудительно ликвидируются. Поэтому любые попытки продолжения деятельности с территории России в этом случае равны прямому активному сопротивлению, не имеющего ничего общего с тактиками, описанными де Серто, и, покуда совершаются в пространстве порядка сильного, обречены на провал. И логично, что одна из тактик, наблюдаемых в этом случае, — покинуть это пространство, выйти из-под юрисдикции этого навязанного порядка.¹ Так было

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

* Признан Министерством юстиции РФ физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

* Признан Министерством юстиции РФ физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

* Признан Министерством юстиции РФ физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

* Признан Министерством юстиции РФ физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

¹ Отчасти этой тактикой пользовались и превентивно — «Медуза» и «Проект», а также упомянутые далее «Важные истории» работали в России под юрлицами, зарегистрированными в других странах. Но при физическом нахождении работников медиа в России возможности этой тактики не могли быть использованы полностью, так или иначе издание подчинялось навязанному порядку сильного.

с изданием «Проект»*. Руководители издания покинули Россию после признания его нежелательной организацией. Оставшиеся сотрудники стали публиковаться анонимно.

Несмотря на явную запретительность закона, отличающего его от закона об иноагентах, признание организации нежелательной — это тоже в первую очередь присвоение некоторого статуса, проведение различия со стороны государства, результат возникновения и действия некоторых «органов зрения» государства, и потому некоторые тактики медиа в этом случае имеют сходства с теми, что применяются в случае с иноагентством. Одна из тактик в этом случае — использовать гибкость организации и мобильность и пересобрать коллектив под новым юридическим лицом, как это делали VTimes. «Проект» переоткрылся под названием «Агентство»*, отсылающим к закону об иноагентах, еще один пример попытки символического переосмысления этого статуса, активного манипулирования навязанным материалом.

Еще более радикальная вариация этой тактики — в указании своего статуса нежелательной организации (что делается в этом случае не по принуждению, а для того, чтобы предупредить и обезопасить читателей, поскольку распространение материалов нежелательных организаций, понимаемое очень широко, прямо запрещено) ставить под сомнение идентичность органа государственной власти, принявшего решение о присвоении статуса. Текст маркировки издания «Важные истории»* под каждым сообщением: «Так называемое Министерство юстиции РФ признало «Важные истории» «нежелательной организацией». Репост нашего поста может караться штрафом, а повторный репост — уголовным делом». Но это уже вариант тактики, доступный только в совокупности с покиданием пространства порядка (отъездом из России).

В связи с предпринятым нами анализом взаимодействия и борьбы государства и медиа в России возникает ряд интересных, на наш взгляд, концептуальных вопросов. Если решение покинуть территорию доминирующего порядка скорее является тактикой в силу того, что предпринимается в ответ на определенные стратегии доминирующей стороны и еще изнутри, находясь внутри этого порядка, то чем оказываются все дальнейшие действия, предпринимаемые уже извне? Можно ли их тоже рассматривать как тактики? Судя по всему, нет. С покиданием территории, на которую

* Признан Министерством юстиции РФ нежелательной организацией.

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

* Признан Министерством юстиции РФ нежелательной организацией.

распространяется этот порядок, действия медиа отчасти лишаются тактического характера, как его описывал де Серто. Но виртуально присутствие в пространстве навязанного порядка еще остается в виде возможностей распространения материалов и их доступности на территории с установленным порядком сильного. Полностью прерывает это присутствие и окончательно выдавливает из этого пространства порядка блокировка интернет-ресурсов издания. После этого не остается уже никаких стратегических возможностей навязывать что-либо заблокированному изданию, сотрудники которого находятся за границей. Теперь это свободные действия, которые берут в качестве основы уже свой собственный синтаксис, а не пытаются как-то обыгрывать предписанный и составлять свои фразы из него, если подключать ресурсы лингвистических метафор, которыми в том числе пользовался де Серто (Серто, 2013, р. 107).

И мы видим, как именно это происходит в последние месяцы после начала СВО на Украине. 31 марта издание «Агентство» вернулось обратно к бренду «Проект», который был свернут летом прошлого года после признания издания нежелательной организацией, объяснив это бессмысленностью дальнейших перестраховок. 18 апреля «Медиазона»* и ее главный редактор после блокировки ресурсов издания объявили о прекращении маркирования своих материалов пометкой иноагентства.

Непредсказуемыми блокировками без разбора государство само разрушило эти виртуальные остатки когда-то навязанного им самим порядка и фактически вывело из-под него многие медиа, руководство и публичная часть сотрудников, которых ранее уже перебравшись за границу. После блокировки им уже больше нечем дотянуться до них, все возможные меры принуждения исчерпаны, а потому они фактически оказались свободны в ситуации, когда им уже «нечего терять, кроме своих оков». Что это значит для государства и его статуса во взаимоотношениях с медиа? Поменялись ли он местами слабого и сильного? Останутся ли у государства как некогда сильного актора в этой паре теперь какие-то стратегические варианты действия? Или ему остается теперь занять тактическую позицию и лишь подручными средствами как-то реагировать на действия медиа? Это может стать темой следующих исследований.

Библиография

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

Волков, В. & Хархордин, О. (2008). *Теория практик*. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Серто, М. де (2013). *Изобретение повседневности. 1. Искусство делать*. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «ТАКТИКИ СОПРОТИВЛЕНИЯ ГОСУ- ДАРСТВЕННЫМ ОГРАНИЧЕНИЯМ МЕ- ДИА В РОССИИ»

*Зарицкий Александр Владимирович**

Если бы я получал немного денег всякий раз, когда в шанинском эссе упоминается парадокс следования правилу, то был бы очень богатым человеком. Объектами неистового овитгенштейнивания уже стали самые разнообразные феномены — и вот очередь дошла до правоприменения в сфере медиа. В публикуемом эссе рассматриваются практики сопротивления государственному регулированию, сложившиеся вокруг законодательства об иностранных агентах и нежелательных организациях. Основной (и единственный) теоретический ресурс в этом тексте — взятое у Мишеля де Серто различение стратегии (способ действия сильных: установление порядка в присвоенном пространстве) и тактики (способ действия слабых: использование эмерджентных возможностей сопротивления внутри порядка сильного). В роли толкователей выступает дуэт В. Волкова и О. Хархордина. Все имена — солидные, но столь минималистичный список литературы все же заставляет задуматься о вечном.

Первым делом автор, кратко изложив концептуальную рамку де Серто, обращает наше внимание на тактики сопротивления иноагентскому статусу, концентрируясь на ряде практик рефрейминга («символического переосмысления») ярлыка «иноагент». Далее рассматриваются нежелательные организации, дискурсивные тактики которых по сравнению с тактиками иноагентов более радикальны и потому могут использоваться только в сочетании с отъездом из страны. Автор справедливо отмечает, что совершаемые извне установленного порядка действия уже не вписываются в различие стратегии и тактики, однако при этом в сегодняшней ситуации присутствие слабых в пространстве порядка продолжается виртуально. Действия изгнанных журналистов, таким образом, прекращают быть действиями слабых, и мы получаем нестандартную в логике Серто пару

* MA in Sociology, старший преподаватель кафедры политических и правовых учений МВШСЭН.

двух стратегических акторов. Или же сильный и слабый меняются местами относительно виртуального пространства, в котором они все еще могут столкнуться? На этот вопрос автор не отвечает: требования к объему эссе вынуждают ее/его закончить на самом интересном месте, хотя в воображаемом полнометражном тексте это было бы только начало.

В реальном же тексте нам предложен вывод, состоящий в том, что «непредсказуемыми блокировками ... государство само разрушило эти виртуальные остатки когда-то навязанного им самим порядка и фактически вывело из-под него многие медиа...», поскольку «...все возможные меры принуждения исчерпаны...». В первом приближении с автором хочется согласиться: в социальной теории давно обсуждается практическая бессмысленность цензуры в любой ситуации, кроме *полной монополизации* политического пространства (Токвиль [1835] 1992, 149–51; Lazarsfeld and Merton [1948] 1963, 472). Хорошо задокументирована и богатая история провальных попыток решить социальные и политические проблемы сугубо бюрократическими методами (Скотт [1998] 2005). В ответ на эти аргументы классиков можно было бы возразить, что инфраструктурная власть (Mann 1984) современных государств достигла беспрецедентного уровня, и с этим тезисом сложно спорить. Но интернет, несмотря на наступление государственных и корпоративных акторов¹, все еще остается «оружием слабых» (Scott 1985). Особенно тогда, когда слабые находятся в юрисдикции, ответственно относящейся к свободе слова.

Все вышеописанное звучит прекрасно, но возникает небольшая сложность: витгенштейнианский парадокс и де Серто куда-то исчезают. Если верить автору, парадокс и различие «стратегия–тактика» перестают действовать в отношении тех иноагентов и участников нежелательных организаций, кто уехал из России. Но применимы ли они к тем, кто остается? Для того, чтобы это выяснить, нужно ответить на вопрос, которым автор не задается: к какому результату могли стремиться заинтересованные акторы, которые готовили и принимали законы об иностранных агентах и нежелательных организациях, и какой результат преследуют те структуры, которые теперь приводят их в исполнение?

Рассмотрим наблюдаемые последствия принятия и применения этих законов.

- Усложнение повседневной жизни.

¹ Местами это наступление очень успешное: сегодняшний веб — это не Дикий Запад девяностых-нулевых.

- Криминализация организаций, которые государство воспринимает как наиболее опасные.
- Страх. Хотя я и не силен в чтении мыслей (эту работу лучше оставить когнитивистам), рискну предположить, что существование вышеперечисленных законов может влиять на вкус отдельных людей к публичным высказываниям, расходящимся с актуальным политическим курсом России.

Неизвестно, есть ли у государства потребность в том, чтобы сохранять лицо и поддерживать легитимность в глазах тех, против кого эти законы направлены. Подробно проанализированные в эссе тактики рефрейминга работают именно на эту аудиторию. Материалы в заблокированных, объявленных иноагентами/нежелательными организациями изданиях, юмористические названия «иноагентских» юридических лиц, тематический мерчендайз, мемы — наносит ли это все ощутимый символический ущерб?¹. Кажется, правило продолжает работать как задумано: несмотря на дискурсивную активность оппозиции, выражение альтернативных мнений внутри страны значительно усложнилось². Если задача законодателей состояла в этом, то она успешно выполняется.

Можно предполагать, что законы, о которых идет речь, задумывались как инструмент деспотической, а не инфраструктурной власти (Mann 1984). Это правила, но предназначенные для аппарата принуждения, который, как и любая бюрократическая структура, не может функционировать без четких инструкций. Стратегическая цель этих законов — сохранение формальной легальности при осуществлении деспотической власти, ее маскировка под инфраструктурную (т.е. создание инструмента принуждения, заточенного под избирательное применение, в обертке общего правила). Для граждан же закон максимально непрозрачен³. Остается две возможности: либо я категорически не прав в своей интерпретации происходящего, либо

¹ Т.е. достаточно существенный для того, чтобы возыметь эффект за пределами лояльной аудитории.

² Не стоит забывать и об экстерриториальной юрисдикции: многие из уехавших журналистов и публичных персон остаются российскими гражданами и обязаны соблюдать российские законы — или смириться с перспективой никогда не вернуться на родину. В этом смысле протяженность пространства порядка за его физические пределы оказывается гораздо большей проблемой, чем кажется на первый взгляд.

³ В текущей редакции закона об иноагентах используется формулировка «лица, находящиеся под иностранным влиянием», что при должной изобретательности дает Министерству юстиции возможность объявить иностранным агентом кого угодно; закон о нежелательных организациях также располагает к расширительному прочтению.

автор эссе пытается проблематизировать (не)исполнение правила в ситуации, где правило активно сопротивляется попыткам его соблюдения.

Означает ли это, что предложенная автором теоретическая рамка не работает? Вовсе нет. Во-первых, мы в очередной раз убеждаемся, что витгенштейнианский парадокс прекрасно работает как инструмент проблематизации¹. Во-вторых, благодаря автору мы поняли, что в логике де Серто российское государство — иррегулярный стратегический актор. В рамках заданного направления мысли это адекватный результат. Автор заключает: «эмпирика не соответствует теории, всем спасибо» и удаляется в закат. Устраивает ли нас такое решение? Если рассматривать этот текст как упражнение по проблематизации с помощью ограниченных теоретических ресурсов — вполне². Можно ли применить теорию де Серто к выбранной теме? Окей, выясняется, что можно. Но нужно ли? В финале автор оказывается в ситуации, которая точнее всего описывается бессмертными словами доктора Иэна Малкольма: «your scientists were so preoccupied with whether or not they could that they didn't stop to think if they should»³ (Spielberg 1993). Динамика отношений журналистов с государством в эссе выступает лишь поводом для того, чтобы сыграть короткий раунд в увлекательную интеллектуальную игру с теорией.

Для того, чтобы эта игра выглядела не как любительская, нужно было либо значительно расширить корпус источников⁴, либо начинать эссе с той проблемы, которая появляется в последнем абзаце. Если авторская интенция все же состояла в том, чтобы узнать что-то новое про работу медиа в России, теоретическая рамка исследования должна была быть иной. С точки зрения прикладного исследования несоответствие эмпирики и теории — это проблема теории.

Несмотря на мрачный тон всего вышесказанного, это эссе нельзя назвать неудачным. Описанные мной сложности могут быть преодолены с помощью ряда незамысловатых соображений:

1. Использование теории по прямому назначению — для производства знания о мире за окнами библиотеки — требует готовности

¹ В том числе и как инструмент проблематизации себя самого.

² Это еще и правдоподобное объяснение тому, почему все эксплицитно обозначенные вопросы появляются в эссе на последней странице и классифицируются как материал для дальнейших исследований.

³ https://www.youtube.com/watch?v=_oNgyUAEv0Q

⁴ Начать можно было бы с цитируемой в эссе книги Волкова и Хархордина, где на соседних страницах с де Серто компактно расположились более десятка работавших в похожем русле теоретиков, включая и самого Витгенштейна. Тот факт, что эти имена опущены, красноречиво свидетельствует либо об особой любви автора к де Серто, либо о близости дедлайна в момент начала работы над текстом.

снизойти от абстракций высокой теории к простым смертным. В случае этого эссе — к политическим социологам, языком которых автор, я уверен, прекрасно владеет.

2. Картографирование лабиринтов теории в умеренных объемах ценно и полезно, но требует более широкого и вдумчивого чтения, даже в рамках эссе на 2000 слов.
3. Те, кто подменяет первое вторым, и те, кто приступает к п. 1, не засвидетельствовав должного уважения к п. 2, в социологическом аду будут вариться в одном котле.

P.S. Не могу не признать, что испытываю некоторую симпатию к использованной автором технике широкой кисти. Когда мир в огне, становится не до нюансов и теорий среднего уровня¹.

¹ Пожалуйста, не воспринимайте это как рекомендацию.

THE REFLECTION OF IDEOLOGY IN HOUSING DISCUSSIONS IN SOVIET ARCHITECTURAL MAGAZINES

Мария Козлова*

mss1901042@universitas.ru

Context

The end of the 1920s was the time of a new step in USSR's development. The ideas of socialization of everyday life («обобществление быта») became an official ideology, leaving a significant impact on the official housing policy. The housing sphere was problematic, as more and more people started moving to cities from villages, and they all needed somewhere to live. However, it was too expensive to build "bourgeois" houses with big apartments with several rooms. What is more, it would have been inconsistent to continue the old regime's patterns. Thus, the houses needed to change drastically. The solution that appeared to answer both ideological and practical needs was the creation of so-called house-communes. The main idea was that facilities like kitchens and kindergartens would be shared by everyone, making it possible for women to work without having to cook for their families.

So, the Soviet architects were required to design a new kind of flat that would meet the standards of the socialized everyday life. They came up with kitchen closets that could be thrown away later, rooms designed solely for sleeping, canteens for the inhabitants, etc.

All these changes needed to be justified and explained to the people who would live in such houses. This promotion of a new lifestyle was to be gradual, and at first the houses designed were of a transitional type. The «family type»

* Выпускница бакалавриата, Современная социальная теория. Работа написана на 4 курсе, дисциплина: Philosophical Foundations of Scientific Knowledge.

of everyday life was to become less and less popular with the help of architectural means. The popularization of a new ideology was performed in various articles published in professional and lifestyle magazines, such as «Building of Moscow» («Строительство Москвы»), «Contemporary architecture» (Современная архитектура) and *Rabotnitsa* («The woman worker»). Some of the ideas published were quite extreme, such as having about 6 people sleeping in the same room, as proposed by architect Kuzmin (1928).

However, something changed in just a few years. By 1934 the idea of building specially constructed house-communes was cancelled, and constructivism was not the «official» architectural style anymore. The 1930's resolution stated that the idea of such a house was in fact an example of «leftist views», as such a transformation was declared too rapid and inefficient (Боголюбов & Егоров, 1984, p. 118).

The tasks to be fulfilled are the following. First of all, the main task is to see how the same fact can be used for opposite ideological purposes. Secondly, the discursive means and approaches reflected in written sources will be identified, as to follow the paradigm shift.

Approach and methodology

As for the materials, 6 articles from the «Building of Moscow» will be analyzed here. Two of them are from the 1928-1929 period of rapid development of house-communes, when the idea of the new way of living was widely discussed. The other four were published after the idea was heavily criticized, in 1931 and 1934. One article from «Contemporary Architecture» published in 1928 will also help demonstrate the mindset and ideology. Another helpful source is the Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) of May 16, 1930 «On work on the restructuring of everyday life» (Боголюбов & Егоров, 1984), where the idea was announced impossible to realize in given circumstances. Full versions of the articles can be found in the appendix.

The approach which seems to be the most suitable to work with such materials is Critical Discourse Analysis. It is suggested that «discourse representation» can be found in «technical properties of the grammar» and «may be tuned to social determinants and social effects» (Fairclough, 1995, p. 65). Fairclough (1992) proposes a model of discourse consisting of three elements: text, discursive practice, and social practice. All of these elements can be found in the materials discussed. However, the main focus here will lie on the «sociocultural context» (Yu & Zheng, 2022, p. 351).

Based on the object description, we can also tell that the articles analyzed clearly transmit particular and easily identifiable ideological views. Ideology, as interpreted by Fairclough, is «a set of conscious and unconscious opinions or beliefs, especially political beliefs that characterize a particular culture and ideas proposed by the ruling class of society to all members of society» (Yu & Zheng, 2022, p. 351). It is also a «construction of reality», which is also materialized in texts (Fairclough, 1992, p. 65).

The ideological messages inside some exemplary articles can be analyzed using T. A. van Dijk's (2006) model, which is presented as an «ideological square» (p. 734):

«Emphasize Our good things
Emphasize Their bad things
De-emphasize Our bad things
De-emphasize Their good things».

The articles presented below have a similar purpose of promoting ideologies. Though they need different approaches of analysis and mostly focus on discourse and historical context, it still fits into Fairclough's (1992) three-dimensional model. The variety will demonstrate more clearly the changes that happened over the years.

Analysis

Let us proceed to the analysis of the materials. The first text is an article from «Building of Moscow», published in May 1929. The article is called «New social types of housing» (Новые социальные типы жилья) (Пастернак, 1928, p. 9). The author (architect Pasternak) starts by pointing out that housing needs to be typified and rationalized in order to reduce costs. The article's main focus is a comparison with «bourgeois» apartments that used to be built in the country and the apartments being built at the moment. In the old apartments, each room had a specific purpose, and building apartments with fewer rooms makes this system meaningless. It turns «they», the capitalists and «us», the socialists, live basically in the same apartments. However, even though the «bourgeois» apartment was good for its times, it is not so anymore, as it does not provide socialization. What is more, the state cannot afford building such apartments anymore. So, «they» had their good things, but there is no place for them in the modern socialistic world.

And now «our» good thing is that we can create a new type of housing, and the apartments will be called «cells» (ячейки) from now on. «The architect of the socialist society has to solve a specific problem ... create a new kind of housing, which would differ from the bourgeois one immensely» (Пастернак,

1928, p. 14). Even though the housing situation is not at its best now, the new way of life will change everything. The tone of the article seems to be hopeful, and the author is quite convincing in proving that the new way of life is what will make people happier and more efficient in their work.

A good contrast to the same discourse can be found in an article published in the «Building of Moscow» in September 1934. It is called «For a new planning of flats for one family» (Бытке, 1934, p. 26); it is written by architect Vutke. There is a similar fragment describing the spacious apartments with specific rooms that used to be built. However, they are not «bourgeois» anymore, they are simply called «pre-war». Compare: «The best planning of pre-war apartments included the division into three basic groups of rooms in accordance with three main groups of everyday life processes...» (Бытке, 1934, p. 27) and «If we come back to the "bourgeois" apartment...we will see that not only auxiliary rooms that serve the apartment ... are clearly specific in function, but this is applied to the living rooms as well» (1928, p. 13). So, «they» are still wrong in following capitalism, but now «we» admit that this kind of housing is still the most convenient for everyone. The 1934 article praises a completely different approach to building and planning houses. It is still quite hopeful about the future but focuses on other things, such as decorations on the house.

Another important point of the socialization of everyday life was the position of women workers. Initially, they were supposed to become free of cooking for the whole family and looking after the children all day; their position was to be changed in order to make it possible for them to work. For instance, there is this phrase in a 1928 article about the first house-commune built from scratch: «the main requirement for the projects was the principle of full liberation of everyday housework for women» (Вольфензон, 1928, p. 14). Or an even more radical wording by Kuzmin (1928): «Then the second mistake: building kitchens in each apartment (otherwise it was impossible to build kitchens for female housewives), we chained the worker's wife to a pole, to pots...» (p. 82). The author here seems absolutely sure of what he is writing about, and he suggests new and revolutionary ideas.

And then there is this anonymous June 1934 article about a now-exemplary house built by architect Zholtovsky, where it is stated that «the planning of all the apartments is very diverse, and all the necessary facilities are located in the apartment, and there is always a separate room or an alcove for the house worker» (A.A., 1934, p. 14). Thus, there still must be a person to cook and clean, and there is no mention of the idea of the socialization of everyday life, it seems

to be forgotten. What is more, the house is built in a completely different style; constructivism was forgotten, and the era of classicism has begun.

Sometimes the ideological messages come into direct confrontation. For instance, an article called «Socialistic planning of cities and new housing» by N. Milyutin was published in June 1931. The author praised the development of the socialized way of life and the creation of proletariat culture. There is also a comparison of capitalist and future socialistic cities, which will follow different organization principles. The main claim is that:

Our modern housing should be a transitional type of housing in which, on the one hand, man and women workers would have the opportunity to live in any group, including a family that is still habitual, and on the other hand, they could use, if desired, at least the most elementary forms of socialized household services. (МИЛЮТИН, 1931, p. 5)

There are some radical suggestions about the future, but the author seems to understand the need for gradual development (hence the transitional type of houses). Even though it has been a year since the 1930's resolution, almost the same ideas are still being discussed.

However, everything changed in May 1932, when a short message from the editorial office was published in «Building of Moscow» (Редакция, 1932, p. 5). Some fragments concerning the «abolishment of the family apartment» and making a living cell for one individual are cited (Редакция, 1932, p. 5). The editors condemn the article and accuse the author of «leftist» views, as listed in the 1930 resolution. Publishing it was «an admission of rotten liberalism to anti-party attitudes condemned by the party» (Редакция, 1932, p. 5).

Conclusion

Thus, by comparing descriptions of the same phenomena in different years, we can see how the context, ideology and discourse reflecting it changed even in the same sphere and community of architects. What is more, there is a clear contrast between «us» and «them», which is used for different purposes, such as convincing people of the superiority of the new way of living.

References

- Fairclough, N. (1992). *Discourse and Social Change*. Policy Press.
 Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis*. Longman.

- van Dijk, T. A. (2006). Politics, Ideology, and Discourse. In Brown, K. (Ed.), *Encyclopedia of Language & Linguistics* (Second Edition, pp. 728–740). Elsevier.
- Yu, X. F., & Zheng, H. C. (2022). A Critical Discourse Analysis of Different News Reports on the Same Event: Illustrated with Examples from China Daily and The Guardian. *Open Journal of Social Sciences*, 10, 348–363. <https://doi.org/10.4236/jss.2022.1011023>
- А.А. (1934). Образец высокой строительной культуры. *Строительство Москвы*, 6, 12–14.
- Боголюбов, К. М., Егоров, А. Г. (Ред.). (1984). *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Том 5. 1929–1932.* Политиздат.
- Вольфензон, Г. (1928). Первый дом-коммуна. *Строительство Москвы*, 2, 14–16.
- Вутке, О. (1934) За новую планировку односемейной квартиры. *Строительство Москвы*, 9, 26–31.
- Кузьмин, В. (1928). О жилищном рабочем строительстве. *Современная архитектура*, 3, 82–83.
- Милютин, Н. (1931). Социалистическая планировка городов и новое жилье. *Строительство Москвы*, 5, 3–6.
- Пастернак, А. (1928). Новые социальные типы жилья. *Строительство Москвы*, 5, 9–16.
- Редакция. (1932). *Строительство Москвы*, 5, 5.

The articles can be found here:

https://drive.google.com/drive/folders/1d8EbtXh5dGgO09Q_KWCBRt7-BTfepFh4?usp=sharing

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «THE REFLECTION OF IDEOLOGY IN HOUSING DISCUSSIONS IN SOVIET ARCHITECTURAL MAGAZINES»

Герасимов Всеволод Кирович*

Текст Марии является хорошим примером интереса к работе с первоисточниками. Интересен и выбор метода критического дискурс-анализа в целом и работ Тен Ван Дейка в частности.

Из недостатков работы можно отметить абстрактное название составных частей текста (**Context, Approach and Methodology, Analysis, Conclusion**), не дающее привязки к собственно полю исследования и не позволяющее дополнительно выделить акценты, фокусирующие внимание читателя/редактора. Критическим упущением является игнорирование концепции смены на рубеже 1920-1930-х гг. т.н. «Культуры 1» т.н. «Культурой 2», разработанной Владимиром Паперным, изучившим непосредственно архитектурный/градостроительный опыт довоенного сталинского СССР. Безусловно, обоснованность выводов Паперного является легитимным объектом научной дискуссии, но игнорирование существования его работы бросается в глаза.

Часть тезисов во введении (например, **«it would have been inconsistent to continue the old regime's patterns»**) также звучит слишком общо, без снабжения конкретной библиографией по вопросу (например, о кампании самоуплотнения 1927 г. и уничтожении института квартирохозяев в 1929 г., в результате чего «не будучи изначально задуманным большевиками проектом, а являясь скорее итогом взаимодействия общей стратегии власти и конкретной ситуации в жилищной сфере крупных городов, коммунальная квартира тем не менее превратилась в способ формирования некой публицизированной модели дома» см. Лебина Н. «Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград 1950-1960-е годы» (издание второе, СПб, 2021), Глава 1 «Наш человек в гаванне»). Сама же идея

* Старший преподаватель Факультета гуманитарных наук МВШСЭН.

о том, что «facilities like kitchens and kindergartens would be shared by everyone» также появляется непосредственно до распространения коммунальных квартир и изначально связана с коллективистскими градостроительными утопиями 1920-х (в дополнение к Паперному см. Слезкин Ю., «Дом Правительства. Сага о русской революции» (Мск, 2019), Книга II, часть III, параграф 9 «Вечный дом» и его анализ значения дома Наркомфина и Дома Правительства: «И урбанисты, и дезурбанисты были дезурбанистами. Предметом дискуссии было то, как лучше уничтожить современный город: разбить его на производственные и жилые узлы, состоящие из нескольких домов-коммун в окружении “зеленых зон”, или отменить раз и навсегда... И урбанисты, и дезурбанисты были коллективистами. Все человеческие функции за исключением испражнения, мочеиспускания и снаживания должны были происходить в общественных местах... И урбанисты, и дезурбанисты были индивидуалистами... Советский коллективизм состоит из отдельных личностей: буржуазный индивидуализм процветает в лоне семьи.... Большинство экспериментальных домов, построенных в годы первой пятилетки, принадлежали к “переходному типу” жилищ с коммунальными и семейными блоками. Самым известным из них был Дом Наркомфина на Новинском бульваре в Москве (1928–1930)... Дом Наркомфина считался прототипом домов будущего... В мае 1930 года выяснилось, что Дом правительства – типичный пример здания “переходного типа”»)

Выборка кейсов статей в прессе не очевидна: не обозначена ее репрезентативность по отношению к общему массиву советской профильной прессы, равно как и причина рассмотрения именно этих статей в качестве значимых.

Наконец, существенным недостатком является чрезмерная сжатость заключения (которое, впрочем, можно оправдать требованиями формата по объему).

Тем не менее, несмотря на вышеобозначенные недостатки библиографии и структуры, работа может быть в будущем быть развернута в более масштабное исследование.

«EVERYONE IS A PATIENT»: PUBLIC HEALTH AS MEDICALIZATION

Варвара Гречухина*

mss1901009@universitas.ru

Introduction and research question

Last spring at the Vectors conference in Shaninka, I listened to a presentation by an anthropologist from Médecins Sans Frontières, an international organization that implements programs involving so-called applied anthropology. If we follow the lecture, it becomes clear that programs implemented as part of the *public health* approach to prevent the development of epidemics and/or other diseases directly affect culturally specific perceptions of communities — furthermore, they are designed to reshape and/or change them.

Using the CDA methodology on the transcribed one-hour lecture and the written abstract of the lecture, I'll try to show that the strategy proposed by the representatives of this approach can be seen as medicalization by suggesting two basic questions: *how is discourse constructed* and *what functions does it have?*

Medicalization (as a problem)

By the term *medicalization* I mean the transfer and redefinition of a condition previously set outside of the realm of medical terminology and/or ideology

* Выпускница бакалавриата, Современная социальная теория. Работа написана на 4 курсе, дисциплина: Philosophical Foundations of Scientific Knowledge.

into the biomedical realm, using the definition (Fainzang, 2013), which is proposed in the text «The Other Side of Medicalization: Self-Medicalization and Self-Medication»:

«The social sciences have shed considerable light on the phenomenon of the “medicalization” of social life, a concept first used to describe the process through which human conditions and problems or aspects of existence previously outside the realm of medicine are constructed, defined, and treated as medical conditions and problems» (Fainzang, 2013, p.489)

Separately, it should be noted that in the field of social studies of health and medicine there is a range of texts that in one way or another addresses the problem of medicalization within public health approaches [see (Goldberg, 2021); (Jones, 2022); (Lantz, 2019); (Silva&Sena, 2013)], but moving towards case studies and analyzing the discourse of an actual employee of such an organization can reveal curious intuitions that are impossible to capture by analyses of specialist practices.

CDA, ideology and methodology: towards analysis

Critical Discourse Analysis (CDA) is an interdisciplinary approach to the analysis of language as a form of social practice [(Fairclough and Wodak, 1997), (Fairclough, 1995)]. There is a variety of methodological aspects, but I propose to focus on the approach developed in the text (Fairclough, 1996) which presents a model of analysis with ten questions relating to the three levels of discourse: vocabulary, grammar, and textual structures. It should be noted that the model itself fits into the general conceptualization, where the analysis of discourse is proposed to be approached from three positions: description, interpretation and explanation (Fairclough, 1996, p.26); where the «method-of-ten-questions» refers to the first position. The following questions are suggested for analysis (Fairclough, 1996, p.110–111): (1) What *experiential* values do words have?; (2) What *relational* values do words have?; (3) What *expressive* values do words have?; (4) What metaphors are used?; (5) What experiential values do grammatical features have?; (6) What relational values do grammatical features have?; (7) What expressive values do grammatical features have?; (8) How are (simple) sentences linked together?; (9) What interactional conventions are used?; (10) What larger-scale structures does the text have? In addition to the method described above, I also suggest using the concept of the ideological square from Van Dijk (2006) where ideological discourse fits into four characteristics (p.18): «Emphasize Our good things; Emphasize Their bad things; De-emphasize Our bad things; De-emphasize Their good things» (p.734).

Being limited by the size of the essay, I will use the first 7 questions from the list; also, as an example, I propose not to address the analysis of the entire lecture, but to demonstrate the suggested intuitions based on a few passages. As a visual illustration, I am citing one example inside the text directly.

Example 1

Speaker 1: [00:03:58] Everyone is a patient. As long as medical care is needed, we would treat you as such. [00:04:06]

Speaker 1: [00:16:48] And basically any topic that we are working on we would be involved in and you would have as a **health promoter** to kind of get some knowledge about collaborating with the medical team and the other colleagues that you would have. It can be HIV, it can be malaria, it can be diarrheal disease, cholera with tuberculosis, any sort of disease for which we have medical operation. And we would need to provide health education to the population. So one of the first goal is that the people receive information, and with this information they can make documented choices about their own health. So, we would never want to convince people to come to our services. We would not want to transform their own interpretation of that or this disease. But the key we're finding ways in which we can inform them, and usually they're quite keen on learning about some diseases and we inform them about our own views and perception in a modern medicine way and this disease and to organize these activities. So first, before you jump in the community with your fliers and sharing information about malaria, for example, you have to understand what they already know about this. It's this is a taboo topic or not. Have they been using it for notes or do they have other need for this, like using them as construction material? So before organizing these activities again, before coming back to the assessment phase, which is continuing, and it's so crucial and also so fascinating and interesting. Next thing that we can do alongside health education. On the next slide, it will be prevention activities. Prevention activities like as you can see in this picture in Ethiopia on the right and in Democratic Republic of the Congo, on the left, mosquito net distribution. So to organize the distribution, well, we call the health promoter to map the population. [00:19:11]

Question 1: What experiential values do words have?

Here it is curious to look at the conceptual apparatus used. Let us first focus on the following words: patient, health promoter, disease, health education, population, prevention, leader, virus, staff. The use of language-of-public-

health prevails over other explanatory models and strategies; moreover, it focuses specifically on the biomedical interpretation (e.g., using disease rather than illness); where health is the category that is prioritized («health over politics» as ex. from one passage). Or, for example, there is a redefinition of food and/or a valuable gift into a biomedical category in the language of public health¹. Separately, we should mention the health promotion model, where the term *promotion* itself has a specific connotation² and initially suggests some kind of active action, intervention. It is also important to note that the term *health* itself is originally used in a biomedical interpretation.

Question 2: What *relational* values do words have?

In this case, as an example, I can refer to the strategy of legitimizing intervention^{3 4}: first, a non-interference with the interpretive patterns of the local population is asserted, but then the means by which this is carried out, intervention is shown. At the end of the same passage a description is offered of prevention activities, which are carried out by a special agent-*health promoter*. The important point seems to be the relationship between information and health: «with this information they can make documented choices about their own health»; it is assumed that the “translation” between culturally specific perceptions and biomedicine has either already occurred or must occur in the process. Interestingly, «inform-about-disease» is discursively linked to experts' own perceptions and the ideology of biomedicine⁵.

Question 3: What *expressive* values do words have?

¹«Please don't approach rats, just don't don't get close to them because rats is the primary vector of transmission of Lassa fever. Lassa fever being a hemorrhagic fever caused by a virus. Lassa fever would be the disease caused by it by a virus, and it would be lethal» (from lecture).

²«activity that supports or encourages a cause, project or aim; a move to a more important job or rank in a company or organization; promotion (of something) activities done in order to increase the sales of a product or service» (Definition of promotion noun from the Oxford Learner's Dictionary of Academic English, n.d.)

³«So one of the first goal is that the people receive information, and with this information they can make documented choices about their own health» (from lecture).

⁴«So, we would never want to convince people to come to our services. We would not want to transform their own interpretation of that or this disease. But the key we're finding ways in which we can inform them, and usually they're quite keen on learning about some diseases and we inform them about our own views and perception in a modern medicine way and this disease and to organize these activities» (from lecture).

⁵we inform them about our own views and perception in a modern medicine way and this disease and to organize these activities (from lecture)

Here I note that direct field work with the local population is often described in the categories of «interesting»¹, «fascinating»². This use can be read as a distinction of *their own – others* where the biomedical interpretation of practices is familiar and the culturally specific characteristics of groups arouse surprise or attract attention. Importantly, the emotional coloring is embedded in the overall narrative of the interventions, which can generally be read as an attempt to transform the «surprising» category into the «familiar» biomedical. Separately, the «neutrality» of specialists in the field, which is described in terms of «humility», «relativism», «neutrality»; it is important to problematize the relationship between the assertion of one's own neutrality and the realities of the field: at the end of the lecture, the speaker once again talked about one's own neutrality in the field, but then makes the digression that «neutrality» is not possible: «You will always have the logo of an international wealthy medical organization». It seems to me that such a clash, from which the tension between different languages of description and/or ideologies is drawn, is important. Moreover, the constant neutrality emphasis can also be problematic, fixing the need for a certain position, and, as a consequence, the assertion of this position.

Question 4: What metaphors are used?

I did not encounter directly the use of *acting* metaphors, but I want to problematize in this paragraph the causation that the speaker constructs. Above all, the important point is the creation of the rat-virus-fever logical nexus where an agent important to the community (rat-as-value-gift and rat-as-food) is re-defined in biomedical terminology³. In a sense, this fits in with the general «metaphorical» use of public health language, where what is observed is inevitably translated into categories of (self-)descriptions by health promotion specialists.

Question 5: What experiential values do grammatical features have?

¹«But trust me, it's really fascinating and so crucial to to work in this context and a few example» [00:50:19] (form lecture).

²Interesting behaviors: eating rats, but transmitted by rats. Rats at the centre of a wedding gift but also source of food (form lecture's abstract).

³«Also I was creating some prevention messages, so I went rushing straight into business, creating these prevention messages. Please don't approach rash, just don't don't get close to them because rats is the primary vector of transmission of Lassa fever. Lassa fever being a hemorrhagic fever caused by a virus. Lassa fever would be the disease caused by it by a virus, and it would be lethal» (form lecture).

In this part I would like to focus on parsing a few sentences.

(1) **We** would not want to transform their own interpretation of that or this disease.

(2) But the key **we're finding ways** in which **we can inform them**, and usually they're quite *keen on learning* about some diseases and we inform them about our own views and perception in a modern medicine way and this disease and to organize these activities.

The model generally used here is SVO (subject-verb-object); where (S) as «we» and/or «organization» comes first; followed by the verb or action (V) and a relation-object (O) (community and/or community perceptions). In these cases, community representatives are always the "host" for the actions of specialists, where experts from public health are given a different agency in relation to them. It is also worth noting that the interventions in the sentences reviewed (and many others as well) are defined as actions (*SVO-model*), which is important to my research intuition. The sentences considered are also active; however, it seems important to find passive ones in this context. As an example, I offer the following: «As long as medical care is needed, we would treat you as such». The passive part of the sentence indicates that the medical intervention is invariably needed by the community; in this formulation, the very possibility of a different interpretation is not assumed.

Question 6: What relational values do grammatical features have?

In this paragraph it is important to give examples of declaratives and grammatical questions. The SVO model described above assumes declaratives (S-followed-by-V); examples of grammatical questions:

«What do they do when they are sick? Where do they go? What do they think of malaria? Ebola? And what about the health system locally? Are there any people already working there?». As it is mentioned in the text (Fairclough, 1996, p.126), the use of declaratives and grammatical questions in such context suggests and indicates the exercise of an imbalance of power, including the following: in our case, the speaker is either in a position of greater-knowledge-about-object, or is asking an attitude-about-society question. In the latter case, it is also important to put this into the context of future practice, where the used responses-from-communities will be used to change their daily practices. Separately, we should point out the frequent use of «we-they»; where *we* most often refer to both MSF activities and practices typical of their activities; where

they/them etc. are described as counterintuitive to public health or directly refer to practices typical of the communities in question.

Question 7: What expressive values do grammatical features have?

In this paragraph it is important to indicate the use of modal verbs, most often the speaker uses *may* (it should be noted that *must* is not used at all, *should* is used three times); where *may* is used 26 times. Here is an example of usage within a context:

«We **may** want to distribute mosquito nets in a community that actually has as a priority the building of houses to protect themselves against the rain <...> So some people **may** be upset about this and not really understand because malaria is so bad and we have to protect ourselves against malaria, but not for everyone»

It can be assumed that the use of verbs in this case implies an assumption-about-possibility of intervention, which fits into the general description of the practices of professionals who encounter problems in the field and have to solve them and respond quickly to changes in the situation.

Addendum to our analysis: the ideological square of Van Dijk (2006) and main conclusions

If we proceed with the intuition that the language of public health itself is ideological, then we can make the following move and point at a possible tension, following the proposed model: the speaker builds the narrative on marking positive characteristics of work (saving people, overcoming epidemics, etc.), constantly pointing to *other* grounds of community practices, without making a "reflective loop" about what *bad* things the organization's work brings to community structure, without identifying cultural specificities and advantages of community practices and generally excluding from the narrative their (resistance) practices.

It seems that this cursory analysis may point at the problem that was identified at the beginning of the text: this "translation" into the language of biomedicine may indicate medicalization, and the speaker's discursive practices themselves may be seen as a medicalizing discourse.

References

Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis* (1st edition). London: Longman

- Fairclough, N. (1996). *Language and Power*, London: London
- Fairclough, N., & Wodak, R. (1997). Critical Discourse Analysis. In T. van Dijk (Ed.), *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction* (Vol. 2, pp. 258–284). London: Sage.
- Goldberg, D. S. (2021). Against the Medicalization of Public Health (Ethics). *Public Health Ethics*, 14(2), 117–119. <https://doi.org/10.1093/phe/phab024>
- Jones, D. D. (2022). Medicalization of poverty: A call to action for America's healthcare workforce. *Family Medicine and Community Health*, 10(3), e001732. <https://doi.org/10.1136/fmch-2022-001732>
- Lantz, P. M. (2019). The Medicalization of Population Health: Who Will Stay Upstream? *The Milbank Quarterly*, 97(1), 36. <https://doi.org/10.1111/1468-0009.12363>
- Silva, K., & Sena, R. (2013). Health promotion: Criticism of everyday life medicalization practices. *Journal of Nursing Education and Practice*, 3. <https://doi.org/10.5430/jnep.v3n9p83>
- Man Dijk, T. (2006). Politics, Ideology, and Discourse. In *Encyclopedia of Language & Linguistics* (pp. 728–740). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/00722-7>

List of sources

Definition of promotion noun from the Oxford Learner's Dictionary of Academic English. (n.d.). Retrieved from Oxford Learners Dictionaries: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/academic/promotion>

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «“EVERYONE IS A PATIENT”: PUBLIC HEALTH AS MEDICALIZATION»

*Токалова Екатерина Юрьевна**

Анализ дискурсивных практик сотрудников трансграничных медицинских организации представляет интерес для исследователей медицины. В тексте эссе продемонстрировано как язык общественного здравоохранения переводит культурно-специфические представления о здоровье и нездоровье в категории биомедицины.

Автор эссе анализирует текст выступления антрополога из международной организации «Врачи без границ» на конференции «Векторы». Применяя метод критического дискурс-анализа, он прослеживает отражение медикализующего дискурса в речи говорящего, фигура которого особенно интересна. Перед нами не медицинский работник, а социальный исследователь, с одной стороны, стремящийся, по его собственному утверждению, к «нейтральности», а с другой — сотрудник международной медицинской организации, признающий, что нейтралитет невозможен, и повествующий о своей работе с помощью нарративного инструментария биомедицины. Автор удачно подмечает это и другие противоречия, последовательно, слой за слоем, разбирая фрагмент расшифровки выступления.

Так, он замечает, что люди, наделенные статусом пациента (по-видимому, только на том основании, что с точки зрения «Врачей без границ», им нужна медицинская помощь), играют роль инертных реципиентов в процессе, который задуман как двусторонняя коммуникация. Опыт взаимодействия с ними характеризуется говорящим как «увлекательный», «интересный». Сами они при этом остаются нуждающимися в просвещении, вмешательстве извне, экспертном мнении пропагандистов «здоровья», которые «информируют о болезнях». Этот дискурс воспроизводит патерналистскую модель отношений врача и пациента, где последний занимает пассивную позицию.

* Аспирантка факультета политических наук и социологии ЕУ СПб.

К недостаткам текста я бы отнесла не совсем удачную формулировку, которая применена в названии эссе. Используя выражение «...public health as medicalization» автор словно ставит вопрос о тождестве public health и medicalization, однако, эти категории, на мой взгляд, связаны иначе. Медикализацию можно рассматривать как концептуальную основу общественного здравоохранения. Переопределение «естественного» состояния в «патологическое» или «болезненное» — нечто, являющееся объектом внимания биомедицины, — во многом определяет то, как принимаются и реализуются на практике решения, образующие public health. Общественное здравоохранение может также восприниматься как институциональный уровень медикализации: public health в этом случае — выражение медикализации в инициативах, программах и проектах.

ЖУРНАЛ СТУДЕНЧЕСКИХ
РАБОТ

КВИНТЭССЕНЦИЯ

ШАНИНКО

НОСС

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ
СТУДСОВЕТА